

12+

Ибрагимпаша Бабаев

ОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Ибрагимпаша Бабаев

Орфологическая лексикография

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бабаев И.

Орфологическая лексикография / И. Бабаев — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-05946-7

В монографии делается попытка создания теоретических принципов орфологической лексикографии, обосновываются закономерности формирования в контексте нормативной лексикографии словарей совершенно нового направления, воплощающих в себе иную, нежели нормативные словари, лексикографическую идею и соответствующих названию орфологический в новом понимании. Для лингвистов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов филологических факультетов вузов.

ISBN 978-5-532-05946-7

© Бабаев И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Предисловие	5
ГЛАВА I	7
ФИКСАЦИЯ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НОРМЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	7
ГЛАВА II	23
ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Предисловие

*Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
А.С.Пушкин*

Настоящее исследование обусловлено, с одной стороны, отсутствием работ, посвященных теории и практике орфологии, с другой стороны, важностью формирования как теоретической, так и практической базы *орфологической* лексикографии. Значение орфологии не ограничивается задачами культуры речи; результаты исследования важны для теории языка, истории русского литературного языка, культуры речи, стилистики, риторики и, разумеется, лингводидактики.

Анализ терминопотребления в данном случае позволяет проследить логику выделения орфологической лексикографии и отделения ее от лексикографии нормативной. Выделение орфологической лексикографии в самостоятельную область исследования сопровождается отрывом самого термина *орфологический* от его этимологической основы. Как известно, формант *орфос/ортос* (от древне-греческого ορθός^1) означает «правильный». Отсюда его использование в нормативной лексикографии в качестве первого компонента сложных определений типа *орфографический*, *орфоэпический*. В данном контексте слово *орфологический* выступает синонимом термина *нормативный*.

Предмет исследования составило изучение закономерности формирования в контексте нормативной лексикографии словарей совершенно нового направления, воплощающих в себе иную, нежели нормативные словари, лексикографическую идею и соответствующих названию *орфологический* в новом понимании. Если бы орфологическая лексикография существовала в настоящее время, то объект настоящего исследования составила бы именно орфологическая лексикография. Однако ни теория, ни практика орфологической лексикографии не сформировалась. Поэтому в работе делается попытка выработать теоретические основы орфологической лексикографии, где четко отграничиваются орфологические словари от нормативных.

Анализ теоретической литературы за двухсотлетний период, а также лексикографических источников говорит о фактическом разграничении внутри нормативной лексикографии собственно нормативной и орфологической лексикографии. При этом вводить в заблуждение может только употребление термина *орфология* в качестве синонима к названиям учебных дисциплин, связанных с преподаванием норм русского литературного языка разных уровней системы, а также термина *орфологическая лексикография* как синонима термина *нормативная лексикография*.

¹ Из греческого в славянский, а затем и в русский алфавит попали буквы **ф** (ферт) и **θ** (фита). В греческом языке буква **θ** (тэта) обозначала щелевой, придыхательный звук [th], которого ни в славянском, ни в русском языке не было. В русском языке буква **θ** (фита) использовалась только в словах греческого происхождения, например: *фимиама*, *орфография* и др. Впоследствии буква **θ** была изъята из русского алфавита и повсеместно стала заменяться оставшейся в русском алфавите буквой **ф**. В языкознании термины с составляющей "орфо-" стали писаться с "орфо-": *орфография*, *орфограмма*, *орфоэпия*. В середине прошлого века в русское языкознание в обиход был запущен термин "ортология", не вполне уместный, на наш взгляд, в терминологическом ряду "орфография", "орфограмма", "орфоэпия". До появления этого термина в лингвистике не было ни одного термина с составляющей "орто". Зато в других науках таких терминов, которые пришли уже из английского языка, предостаточно: *ортология* (как биологический и медицинский термин), *ортодонтия*, *ортопедия*, *ортодоксальный*, *ортоцентр*, *ортотропизм*, *ортодромия* и др. По нашему мнению, более правильным и логически обусловленным является использование в языкознании термина *орфология*, который мы последовательно употребляем в нашей работе.

Если вплоть до конца XIX столетия не прекращались дискуссии о предпочтительности тезауруса нормативному словарю, или, наоборот, ущербности принципа тезауруса вообще и необходимости составления словарей нормативного типа, то на рубеже веков формировалась также мысль о целесообразности описания случаев устойчивых отклонений от существующих норм. Однако до сих пор не создана теория такой лексикографии. Встречается термин "орфологические словари", однако в значении "нормативные словари".

К настоящему времени накоплен значительный материал, позволяющий построить концепцию орфологической лексикографии. Нами делается попытка теоретического структурирования концепции орфологической лексикографии, свидетельствующей о достаточно четком разграничении нормативных и орфологических словарей как по цели и предмету, так и по конкретному наполнению.

Монография состоит из четырех глав и списка использованной литературы.

В первой главе дается обзор словарей, описывающих неправильности в разных ярусах языковой системы, а также то, что не должно включаться, например, в словари для иностранцев, где актуальным является анализ интерференций, своеобразных для каждого национального языка. Делается вывод о необходимости поярусного составления таких словарей.

Во второй главе рассматриваются понятия норма и отклонение от нормы, которые включаются в систему общенационального языка.

Третья глава монографии посвящена анализу справочников и словарей трудностей русского языка, вышедших на протяжении второй половины XX-го столетия, что представляется весьма важным как в плане теоретического осмысления этих источников, так и в практическом их назначении и применении, ориентирующих современного читателя в особенностях этого сложного материала к применяемой его составителями терминологии.

Четвёртая глава монографии «Орфологический словарь русского языка для азербайджанцев» содержит как теоретические посылки, так и конкретно-практические рекомендации и примеры. Если орфологический словарь для носителей языка систематизирует и объясняет речевые ошибки, обусловленные действием определенных закономерностей национального русского языка, проявляющих себя на стыке нормированной и ненормированной форм общенационального языка, то орфологический словарь для иностранцев учитывает типичные отклонения от норм русского языка, характерные для представителей той или иной конкретной национальности и предопределенные действием законов их родного языка.

В заключении представлены основные выводы и обобщения, вытекающие из содержания монографии.

Выражаем глубокую благодарность научному редактору профессору И.Г.Гамидову, рецензентам профессору Л.М.Грановской, профессору Р.С.Мамедову за ценные советы и рекомендации, способствовавшие улучшению монографии. Приносим также благодарность всем, кто прочитал рукопись полностью или частично, кто помогал при подготовке монографии к печати.

ГЛАВА I

ФИКСАЦИЯ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НОРМЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Теории орфологической лексикографии не существует, как не существует и собственно орфологических словарей. Однако с XIX в. в русской лексикографии формируется опыт подачи в словарях (общих или специальных) так называемых речевых ошибок. Не всегда и не всё, что фиксировалось в этих словарях, воспринималось впоследствии исследователями однозначно. Тем не менее, для нас важен сам факт лексикографического рассмотрения отклонений от нормы. Иногда отклонения от нормы помещаются и в чисто нормативном словаре. Часто даже теоретически не разграничиваются словари нормативные и орфологические. В связи с этим следует отметить, что анализ названий словарей, специально созданных для интерпретации отклонений от норм литературного языка, также входит в сферу орфологии.

1.1. О словарях, описывающих речевые ошибки

Поскольку до сих пор не было создано последовательной и логически непротиворечивой концепции орфологических словарей, а сам термин *орфологический/ортологический словарь* употреблялся как синоним термина *нормативный словарь*, словари, описывающие устойчивые отклонения от норм литературного языка, назывались по-разному в зависимости от исходных принципов, цели и установок. Разумеется, все они служили одной большой цели: распространению речевой культуры, пропаганде средств нормированного языка, утверждению культурной традиции и расширению ее социальной базы.

Можно выделить четыре основных понятия, фигурирующих в названиях словарей, рассматривающих речевые ошибки: *правильность, неправильность, трудность, вариантность*. Последнее понятие сигнализирует о том, что термин *речевая ошибка* нередко носит условный характер, поэтому точнее было бы говорить о тех вариантных средствах выражения, которые противостоят норме, как наиболее оптимальному средству. Отношения вариантных средств позволяют говорить о предпочтительности того или иного средства, что само по себе понятие временное.

Названия лексикографических источников вообще и словарей, рассматривающих отклонения от нормы в частности, вовсе не носят случайного характера. Все словари, в названиях которых встречаются отмеченные понятия, объединяет попытка анализа устойчивых случаев отклонения от существующих норм литературного языка и таким образом утверждения норм. Однако это, по всей вероятности, осознается не всегда, так как формальное отличие по названию иногда может восприниматься как сущностное. Например, Т.Г.Шукюров в книге «Русская и двуязычная лексикография» словари правильностей и словари трудностей рассматривает в разных разделах, следовательно, он считает их разными по жанру словарями. Однако в 19-ом параграфе, говоря о словарях правильностей, он упоминает и словари неправильностей. Например, Т.Г.Шукюров пишет: «Словари правильностей решают вопросы правильного словоупотребления, формообразования и предостерегают от речевых ошибок. Их можно назвать справочниками по культуре речи. Словари такого типа издавались и раньше. Из них можно указать «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи», вышедший вторым изданием в Варшаве в 1909 году; «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И.И.Огиенко (Киев, 1914, изд. 3-е); «Правильность и чистота русской речи» В.И.Чернышева, изданный в двух выпусках (Петроград,

1914-1915)» [144, 35-36]. Далее автор упоминает еще два словаря, в названии которых речь идет о правильности.

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Формальность разграничения понятий «правильность», «неправильность» и «трудность» в названиях подобного типа словарей очевидна. Несмотря на то, что Т.Г.Шукюров выводит словари трудностей в особый параграф своей книги: «Словари трудностей» [144, 36], как мы сумели убедиться, и в названии словаря И.И.Огиенко содержится указание на *трудные случаи*. С другой стороны, если все дело в названии, то почему же в разделе, посвященном словарям правильностей, указываются также словари неправильностей? Очевидно, что словари трудностей, правильностей и неправильностей необходимо было включить в один параграф.

Р.М.Цейтлин отмечает, что «среди разнообразных справочных изданий по русскому языку, получивших распространение в XIX – нач. XX в., занимали особое место так называемые словари неправильностей: они отвечали насущным потребностям широких слоев грамотного населения в поддержании чистоты и правильности русской речи» [133, 176]. Далее автор отмечает, что первым таким словарем следует считать книжку А.Н.Греча «Справочное место русского слова» [133, 176].

Отнеся «Справочное место русского слова» А.Н.Греча к словарям неправильностей, Р.М.Цейтлин исходит не из названия словаря, а из его сути, что, на наш взгляд, абсолютно верно. А.Н.Греч в своем справочнике анализирует неправильные с точки зрения литературного языка выражения и исправляет их. Таким образом, здесь мы имеем возможность наблюдать чистый словарь неправильностей.

К словарям неправильностей исследователи относят пособие К.Зеленецкого «О русском языке в Новороссийском крае» (Одесса, 1855). Хотя книгу К.Зеленецкого, как свидетельствует и ее название, словарем в собственном смысле слова назвать нельзя, в ней собраны и проанализированы с точки зрения норм литературного языка локальные особенности, т.е. отклонения от нормы, не носящие общезыкового характер.

В 1909 году в Варшаве выходит «Опыт словаря неправильностей» В.Долопчева. Здесь понятие «неправильность» выносится в название. Как отмечает Р.М.Цейтлин, «книга Долопчева была первым словарем неправильностей в полном смысле слова» [134, 181].

В 1911 г. выходит «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» – пособие по стилистике русской речи для учащихся и самообразования. Третье издание: Киев, 1914 г. Словарь был подготовлен преподавателем киевской гимназии И.И.Огиенко.

Словари подобного типа под разными названиями выходили и в советское время. Как бы они ни назывались, авторы исходили из необходимости рассмотрения отклонений от нормы с целью их предупреждения. Например, в 1965 г. под редакцией С.И.Ожегова выходит словарь-справочник «Правильность русской речи». В предисловии отмечается, что «настоящий словарь посвящен одному из самых существенных элементов культуры речи – словоупотреблению. Трудности словоупотребления многообразны. Они могут быть и результатом самых простых нарушений нормы, нарушений традиционно принятого литературного употребления и результатом неудачного употребления слова для выражения новых отношений, и результатом несоблюдения тонкостей словоупотребления, обусловленных стилистическим богатством русского литературного языка. В словарь включены наиболее типичные случаи» [83, 5]. Из приведенной цитаты видно, что автор отмечает довольно широкий диапазон явлений, не поддающихся однозначному определению. Например, что касается «тонкостей» и их названия, то вряд ли это может быть рассмотрено параллельно с явным нарушением элементарных правил русского словоупотребления. Если в название словаря вынесено понятие «правильность», то стилистическая дифференциация языковых средств связана со значительно более высоким

уровнем словоупотребления. В этом случае более уместным было бы в названии употребление слова *трудность*.

Одним из наиболее популярных справочников подобного рода является словарь «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К.С.Горбачевича. Почти так же называется справочник «Словарь трудностей русского языка» Д.Э.Розенталя и М.А.Теленковой.

Разграничение паронимов в речи представляет собой проблему семантико-стилистического порядка. Мы не считаем словарь паронимов словарем неправильностей, проблема паронимов не имеет отношения к орфологии. В противном случае обычный толковый словарь следует также считать словарем трудностей, так как самой широко распространенной ошибкой является неточное употребление обычных слов. Тем не менее словарь Ю.А.Бельчикова и М.С.Панюшевой называется «Трудные случаи употребления однокорневых слов русского языка», куда вошло более 200 паронимических пар.

Иногда в названии словарей, исходящих из наличия трудных и сомнительных случаев в словоупотреблении, отсутствует указание на подобную направленность материала. В этом смысле эти названия носят нейтральный характер. Например, «Управление в русском языке. Словарь-справочник» или «Словарь русского литературного словоупотребления». Следует отметить, что имплицитно указание на сложность и неоднозначность словоупотребления, т.е. на то, что словарь содержит именно такие случаи, имеется и в таких названиях. Действительно, если словарь называется «Управление в русском языке», то, следовательно, управление в русском языке может вызвать сложности, на что и обращает внимание словарь. Если названия, имеющие в своем составе такие слова, как *трудность*, *неправильность*, *сомнительность*, *вариантность*, сигнализируют о том, что в соответствующих словарях даются отклонения от норм, то названия типа «Управление в русском языке» не содержит в себе указания на то, что материал этих словарей отличается от материала нормативных словарей.

Что касается понятия «правильность» и соответствующего слова в названии, то ясно, что это понятие тесно связано с категорией нормативности и не имеет непосредственной связи с объектом орфологии. Однако и это понятие имплицитно ассоциируется с представлениями об отклонениях от нормы. Следовательно, актуальна ассоциация с неправильностью. Немаловажным обстоятельством является и то, что понятие «правильности» носит наиболее общий характер из всех критериев культуры речи. Оно охватывает все уровни языка и в этом смысле самодостаточно. А это в свою очередь ставит знак равенства между словами *правильность* и *неправильность*, выведенными в название словарей.

Причина разнообразия в названиях словарей, рассматривающих сложные случаи словоупотребления, кроется, на наш взгляд, в отсутствии лексикографической концепции. Разумеется, если исходить из основного принципа орфологии в нашем понимании, то наиболее точным и удачным названием является «Словарь неправильностей». Однако, как отмечалось выше, различие между словами *трудность*, *правильность* и *неправильность* в названиях рассматриваемого типа словарей носит условный и формальный характер. Эти слова в данном контексте выступают синонимами, материал соответствующих словарей является однотипным. В лексикографических исследованиях общего характера все словари трудностей, правильностей и неправильностей должны анализироваться в одном разделе. Что касается словарей вариантов, например, такого как «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотностиллистического словаря вариантов» Л.К.Граудиной, В.И.Ицкович, Л.П.Катлинской, то они могут носить двоякий характер. Если в словаре отдается предпочтение одному из вариантов как наиболее оптимальному, а другие объясняются как менее удачные, то такой словарь приближается к орфологическим. Разумеется, только в том случае, если ненорма интерпретируется как системное явление.

Если словарь ставит своей целью в основном описание частотных характеристик фиксируемых вариантов, то такой словарь является обычным частотным словарем. Что касается Словаря Л.К.Граудиной и др., то следует отметить, что название его носит противоречивый характер. С одной стороны, он называется «Грамматическая правильность русской речи», с другой, «Опыт частотно-стилистического словаря вариантов». И действительно, как правило, в этом Словаре лишь указывается частотность, но не отмечается, что лучше, а что хуже, или что правильно, что неправильно, что в целом предпочтительнее.

Название любого словаря не носит и не может носить случайного характера. Название отражает специфику подбора материала и назначение словаря. Во всем этом непосредственно отражается и лексикографическая концепция.

1.2. Место орфологического словаря в лексикографии

Статус орфологического словаря определяется местом орфологии в контексте лингвистических исследований. Орфология – это отрасль лингвистики, занимающаяся сбором и анализом устойчивых отклонений от существующих норм литературного языка. Подобное употребление термина *орфология* вводится в настоящей работе. До сих пор под *орфологией/ортологией* понималась наука о литературном языке как культурной и обработанной форме национального языка. К орфологическим словарям относились почти все существующие типы словарей, включая обычные толковые. К орфологическим пособиям, по мнению исследователей, относятся учебники, грамматики, различные труды по культуре речи [21, 28-43].

Необходимость лексикографической фиксации речевой ошибки не воспринимается однозначно. Нередко преподаватели русского языка, интеллигенты, занятые в различных сферах умственного труда, высказывают сомнения в целесообразности введения в словари ошибок. Зачастую исходят из того, что словарь должен давать только правильное, ориентируя тем самым читателя на норму.

Несмотря на то, что словари неправильностей существовали уже в позапрошлом столетии, теоретически мысль о необходимости помещения в лексикографических источниках речевых ошибок была обоснована академиком Л.В.Щербой.

Л.В.Щерба считал, что в речи не может быть ничего случайного, а то, что воспринимается как случайное, так или иначе социально обосновано. Речевые ошибки, не останавливающие на себе вашего внимания, кажущиеся мимолетными и совершенно случайными, на самом деле представляют собой продукт системы и обязательно должны изучаться. Таким образом, речь идет о сборе и анализе речевых ошибок.

В своих рассуждениях о социальной обусловленности речевых ошибок и о полезности включения их в словари Л.В.Щерба, на наш взгляд, допускает одну неточность. Он предлагает включать речевые ошибки в нормативные словари, где им действительно не место. Это тем более странно, что уже в XIX в. существовали попытки создания специальных словарей неправильностей.

Как отмечал неоднократно и сам Л.В.Щерба, теория лексикографии в его время была совершенно не разработана. Именно по этой причине и была им написана статья под названием «Опыт общей теории лексикографии». На наш взгляд, теория лексикографии далека от стройности и в настоящее время. Об этом, в свою очередь, свидетельствует и отсутствие четкости в разграничении принципов нормативной и ненормативной лексикографии, отнесение различными учеными одних и тех же словарей к разным типам лексикографических источников.

Видимо, одним из основных принципов теории лексикографии должен считаться принцип необходимости деления словарей на общие и тематические. Если тематические словари посвящены сбору и подаче материала, систематизированного в определенном аспекте, то общие словари состоят из корпуса лексем, которые описываются с точки зрения всех актуальных для слова параметров. Такими параметрами должны считаться написание, произно-

шение, грамматическая характеристика, стилистическая характеристика, дефиниция, манифестирующая его семантическую структуру, а также факты употребления, свидетельствующие о справедливости и корректности представленной дефиниции. Общие словари описывают лексические единицы по той причине, что именно лексическая единица является центральной единицей языка.

Деление словарей на общие и тематические опирается на одно условие, а именно – объединяются языковые единицы в словаре по каким-либо признакам или нет. Например, толковые словари русского литературного языка являются общими словарями. Считается, что существует четыре такого рода словаря, изданных в советское время. Это словари Д.Н.Ушакова, С.И.Ожегова, а также два академических: 17-томный и 4-томный, так называемые Большой и Малый академические словари. В постсоветское время вышло много разных словарей, можно даже сказать, что издание самых разных словарей вплоть до словарей нецензурной лексики составляет самое популярное и активное лингвистическое дело. Однако авторитет указанных четырех словарей достаточно высок и вряд ли подлежит сомнению. Было предпринято новое 20-томное издание Большого академического словаря.

Все эти четыре словаря являются словарями литературного языка и отражают норму, включая и норму предшествующих эпох, поскольку нормативный словарь обязан описывать лексику классического периода. Классическим же периодом и сегодня остается литература от Пушкина до Толстого и Чехова, т.е. крайним нижним пределом для классической литературы остается Пушкин.

Словари синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, фразеологических единиц, частотные, обратные, словообразовательные и другие частноцелевые являются тематическими словарями. Все справочники типа «Слитно или раздельно» являются тематическими словарями, так как призваны ответить на один вопрос.

Второй принцип деления лексикографических источников связан с отношением материала к культурной традиции, к той форме национального языка, которую принято называть *литературным языком*. Данный принцип может разграничивать все словари. Например, фразеологический словарь может содержать все фразеологизмы национального языка, но может включать исключительно факты литературного языка. Возможен и третий вариант, когда словарь описывает фразеологический фонд того или иного наречия или городского просторечия.

При делении словарей по отношению материала к культурной традиции актуальными оказываются три типа источников. Первый тип – это словарь-тезаурус. Такой словарь включает как нормативные, так и ненормативные средства. В идеале такой словарь отражает все средства национального языка.

Второй тип лексикографического источника отражает культурную традицию. В идеале в нормативном словаре должны помещаться только средства литературного языка. На практике мы видим, что в нормативные словари с различными пометами входят также диалектные и просторечные единицы.

Орфологический словарь противостоит нормативному словарю как противоположная часть тезауруса. Орфологический словарь описывает языковые средства, с точки зрения нормы, считающиеся отклонениями. Разумеется, при этом описание речевых ошибок, отклонений от нормы не является самоцелью для орфологической лексикографии. В орфологическом словаре происходит как бы сопоставительная интерпретация нормы и ненормы, что в конечном счете должно убедить в оптимальности нормы как языкового средства, выполняющего определенную функцию.

Поскольку орфологический словарь дает описание ненормы, объясняет ее ущербность по сравнению с нормой, интерпретируемой параллельно с отклонением, он носит не только синхронический, но одновременно и диахронический характер. Чисто синхронический характер носит нормативный словарь, в задачи которого входит подача корпуса норм. В силу дина-

мического характера нормы нормативная система постоянно эволюционирует. Следовательно, словарь, фиксирующий норму по какому-либо уровню языка, дает описание статическое, фиксирует момент. В отличие от нормативного словаря, носящего синхронный характер, орфологический словарь, вскрывающий соотношение нормы и ненормы, дает возможность увидеть воочию динамику нормы. Если мы будем располагать орфологическими словарями, созданными, скажем, на протяжении 200 лет, то мы сможем увидеть конкретно процесс формирования литературного языка, конкретику его демократизации, смены тенденций и т.д. Располагая орфологическими словарями и небольшого отрезка времени, исследователи будут в состоянии судить о прошлом нормированной формы национального языка и ее перспективах. Таким образом, орфологический словарь, в отличие от нормативного, носит синхронно-диахронический характер.

Нормативный и орфологический словари могут быть противопоставлены еще в одном аспекте. Это противопоставление обосновано функционально. Поскольку целью нормативного словаря является описание системы норм, по отношению к нормированному языку он является абсолютным. Напротив, орфологический словарь по отношению к норме носит опосредованный, относительный характер. Он создается для описания того, что норме противостоит, в этом его цель. Но подав ненорму и сравнив ее с нормой, орфологический словарь должен убедить в оптимальности последней.

Следует оговорить еще один момент. Существует глубокая разница между вышеотмеченными рассуждениями академика Л.В.Щербы о полезности включения речевых ошибок в нормативный словарь и сущностью имеющих словарей правильностей, неправильностей и трудностей. Эти словари не объясняют ненорму, не сравнивают ее с нормой, они просто дают то и другое. Смысл высказываний Л.В.Щербы о социальной обусловленности речевых ошибок предполагает интерпретацию этих ошибок в социально-языковом плане. Именно этот момент делает орфологические словари весьма ценными источниками по истории литературного языка. Речь идет не о существующих словарях правильностей/неправильностей, а об идее орфологической лексикографии. В противном случае задача этих словарей оказывается максимально суженной. Так, А.М.Цывин считает, что словари правильностей имеют узко прагматическую направленность. Однако понятно, что наш подход к целям и задачам орфологической лексикографии выходит далеко за рамки прагматики. С другой стороны, все словари правильностей, неправильностей и трудностей, действительно, являются лишь узко прагматическими. Это еще одно свидетельство того, что идея орфологической лексикографии не нашла до сих пор практического воплощения. Что же касается рассуждений А.М.Цывина и других исследователей, то все они исходят из существующего лексикографического опыта, но вовсе не из теоретических построений и вытекающей из них необходимости. В чрезвычайно дробной классификации словарей русского языка словари трудностей относятся к функциональным: «Двусторонние непереводные пояснительные функциональные словари раскрывают функциональные характеристики слова – частотность слова (Штейнфельдт) или стилистическую функцию (Грамматич. правильность ..., Трудности...). Двусторонние формопоясняющие словари должны давать полную грамматическую характеристику слова или объяснять его форму, орфографическую и произносительную (Зализняк). Чисто объяснительных (толковых) словарей не существует. Наиболее близок к этому типу словарь Даля. Обычно же толковый словарь снабжен достаточно подробными сведениями о произношении, стилистическом употреблении, грамматических характеристиках» [134, 102].

А.М.Цывин считает, что *чисто объяснительных словарей* не существует. Следует отметить, что сам фактор *объяснения* имеет достаточно широкий диапазон реализации. Например, где критерий начала и конца того описания, которое подпадает под определение *объяснительный*? Стилистическая или грамматическая помета в функциональном и содержательном отношении вполне может быть отнесена к объяснению. Ведь стилистическая характеристика слова

есть не что иное, как фрагмент его содержания. Иными словами, под *объяснением* нельзя понимать только толкование его значения.

В этой же работе А.М.Цывин указывает, что «Нормативные словари дают семантическую, грамматическую, акцентологическую, экспрессивно-стилистическую и валентностную характеристику слов в соответствии с действующей нормой, определяющей образцовое употребление языковых средств и упорядочивающих речевую деятельность носителей данного языка. Характерная особенность нормативного словаря – развитая система предписывающих помет и отбор слов на основании строгого критерия» [134, 106].

Тут следует сказать, что и чисто нормативных словарей также не встречается, так как любой словарь, претендующий на звание нормативного, вынужден фиксировать и ненорму. Конечно, в том случае, если это словарь живого языка. Суть проблемы в том, что любой словарь должен быть востребован в качестве справочника по определенному количеству текстов той или иной эпохи. В этом смысле он должен удовлетворять критерию полноты. Адресату текстов определенной эпохи в общем-то безразлично относят или нет лексикографы те или иные слова к системе норм или нет.

Таким образом, при делении словарей по принципу общий-тематический орфологические словари, безусловно, оказываются тематическими. Иными словами, это справочники, отвечающие на определенный вопрос. При делении, основывающемся на отношении к системе норм, орфологический словарь оказывается *антинормативным* словарем. Он включает в себя ту часть тезауруса, которая противостоит системе норм. А это в основном диалекты и просторечие.

Может возникнуть вопрос о случайности ошибки, т.е. всегда ли речевые ошибки относятся обязательно к диалектам или просторечию. Несмотря на утверждение Щербы о социальной обусловленности речевых ошибок, может возникнуть вопрос: неужели в речи отдельных людей вообще не бывает совершенно случайных ошибок, не обусловленных социально, не предопределенных системой языка? Видимо, случаются и такие ошибки. Люди могут просто оговариваться. Такая ошибка может быть даже следствием определенного дефекта речи. В этом случае она не изучается орфологией. Кроме того, если речевая ошибка действительно случайна и носит единичный характер, то она не интересует орфологию. Орфология является наукой, изучающей именно устойчивые и запрограммированные языковой системой отклонения от нормативного языка. Следовательно, они также, как и норма, системно предопределены. Таким образом, орфология изучает ту часть национального языка, которая коррелирует с системой норм, делая ее гибкой и динамичной. Именно в силу этого орфологический словарь дает возможность прогнозировать.

Необходимо отметить, что указанные выше деления словарей по двум принципам, разумеется, не охватывают всех типов словарей. Прежде всего, здесь не учитываются энциклопедические словари, а также из лингвистических – двуязычные. При этом преследуется одна цель – точнее определить место орфологических словарей. Таким образом, место орфологического словаря определяется в кругу одноязычных лингвистических словарей.

В то же время приходится делать существенную оговорку. Орфологические словари могут быть двух типов в зависимости от материала и предназначенности. Дело в том, что словари, объясняющие речевые ошибки, могут иметь двоякую направленность. Они могут быть направлены на интерпретацию отклонений от нормы в речи естественных носителей языка. Однако орфологические словари могут строиться на основе интерпретации устойчивых ошибок, характерных для речи иностранцев. Если в первом случае орфологический словарь описывает ту часть национального языка, которая противостоит системе норм, а сами нормы даются на фоне соответствующих ненорм, то во втором случае орфологический словарь строится на материале сопоставительных исследований. Здесь выявляются устойчивые участки интерференции, и с этих позиций объясняются случаи отклонения от норм второго языка.

Понятно, что как материал, так и принципы орфологических словарей в этих двух случаях расходятся. Во втором случае, т.е. когда речь идет об орфологическом словаре для иностранцев, систематизируются законы родного языка говорящих, устойчиво интерферирующие в иностранном языке. Причем такого рода ошибки в речи иностранцев также носят системный характер, что непосредственно обусловлено системностью закономерностей родного языка.

Понятно, что как материал, так и принципы орфологического словаря в этих двух случаях расходятся. Во втором случае, т.е. когда речь идет об орфологическом словаре для иностранцев, такой тип словаря имеет, действительно, только прагматическую направленность. Другое дело, что он строится на серьезном аналитическом материале.

Таким образом, формирование идей и концепции орфологической лексикографии не является случайным. Напротив, они столь же закономерны, как и идеи тезауруса и нормативного словаря.

Практическое осуществление принципов орфологического словаря может столкнуться с известными трудностями. Такие же трудности стоят и перед осуществлением идей тезауруса и нормативного словаря. Тезаурус живого языка почти невозможно создать, так как практически невозможно охватить все богатство того или иного языка. Если даже не иметь в виду все написанное и сказанное на этом языке, то довольно сомнительно охватить всю лексику, фразеологию, поговорки, пословицы, устойчивые словесные комплексы различного объема и сложности. Например, тезаурус латинского языка до 600 г., издаваемый немецкими учеными, столкнулся с такими трудностями, что за 40 лет авторы смогли достичь лишь до буквы *М*. Академик Л.В.Щерба по этому поводу пишет следующее: «Когда говорят *thesaurus*, то нынче у нас чаще всего имеют при этом в виду «*Thesaurus linguae latinae*», предприятие пяти немецких академий, начатое еще в 1900 г. и до сих пор доведенное с пропусками лишь до буквы *М*. Характерная особенность этого типа словарей состоит в том, что в них приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз (т.е. и все так называемые *hарах'ы*), и что под каждым словом приводятся решительно все цитаты из имеющихся на данном языке текстов (в «*Thesaurus linguae latinae*» – до 600 г.). В основе вышеуказанного противоположения лежит противоположение «языкового материала» и «языковой системы» – понятия, которые я пытался обосновать в своей статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [146, 281].

С такими же сложностями, как правило, сталкиваются и создатели нормативных словарей. Практически не удастся создать словарь чисто нормативных средств. Так или иначе в нормативном словаре оказываются диалектные слова. Основанием для этого является мысль о том, что они устойчиво встречаются в языке художественной литературы. Довольно многочисленным является в нормативных словарях корпус устаревших слов. Считается, что независимо от степени архаизации слово должно помещаться в нормативный словарь, если оно часто встречается в языке классических произведений. Опыт свидетельствует, что в нормативные словари включаются также бранные и грубо просторечные слова. Таким образом, корпус нормативного словаря оказывается значительно разбавленным ненормативными средствами.

Создание орфологического словаря не должно столкнуться с большими трудностями, чем создание тезауруса и нормативного словаря. В любом случае материал орфологических словарей должен опираться на серьезную исследовательскую работу по систематизации и интерпретации речевых ошибок. Соответственно орфологический словарь для иностранцев должен иметь основательную базу контрастивных и лингвистических исследований. Но все трудности, стоящие на пути осуществления идеи орфологического словаря, не противоречат логике его создания. Точно так же, как трудности, стоящие перед тезаурусом и нормативным словарем, не могут убедить в ненужности этих словарей. Известно, с каким непониманием сталкивалось создание таких словарей, как словарь В.И.Даля и словарь Я.К.Грота. Характерно,

что первый претендовал на статус словаря-тезауруса, в то время как второй представлял собой опыт нормативного словаря.

1.3. Классификация орфологических словарей

Орфологических словарей на сегодняшний день не существует, поэтому классификация носит не эмпирический, а гипотетический характер. Словари правильностей, неправильностей, трудностей и вариантов не могут считаться орфологическими словарями в полном смысле слова, так как в них идея орфологической лексикографии не находит своего воплощения. В этих словарях отсутствует систематизация и интерпретация отклонений от нормы. Нет в них и демонстрации коррелирования нормы и ненормы, способной эксплицировать динамику нормативной системы. В лучшем случае статьи в этих словарях строятся по принципу «не так, а так» или «так/не так».

Классификация орфологических словарей исходит из понимания системности ненормы. В основе классификации лежит тезис о том, что, если литературный язык, как нормированный язык, представляет собой систему, то та часть национального языка, которая противостоит литературному языку и воспринимается в речи как отклонение от нормы, также образует систему. Следовательно, если система норм имеет иерархический характер, то система ненорм также представляет собой иерархию. Таким образом, орфологические словари дифференцируются по языковым ярусам.

Можно выделить следующие уровни ненормы. Произношение, ударение, слово, фразеологическая единица, лексическая сочетаемость, синтаксическая модель, словоизменение, стилистика. Следует отметить, что ставить знак равенства между уровнями орфологического анализа и языковыми ярусами, разумеется, неправомерно. Уровни орфологического анализа, будучи связанными с языковыми ярусами, могут быть детализированы, что непосредственно предопределяется характером устойчивых нарушений нормы. Иными словами, если попытаться свести уровни орфологического анализа к языковым ярусам, то может оказаться, что несколько уровней орфологического анализа соответствуют одному и тому же уровню системы языка. Что касается непосредственно языковых ярусов, то, разумеется, все они представлены в орфологии, т.е. орфологический анализ охватывает все уровни языковой системы.

Орфология разграничивает уровни произношения и ударения. Следовательно, в системе орфологических словарей должны существовать два типа словаря, связанных с чисто звуковым оформлением языковых единиц. Первый связан с анализом устойчивых случаев неверного артикулирования звуков и их комбинаций. Вторым – с анализом устойчивых нарушений законов акцентологического оформления значимых единиц русского языка. Должно быть ясно, что эти два словаря выделяются в связи с двумя уровнями орфологического анализа. Практически это может быть один орфологический словарь, в котором языковые единицы будут представлены или по алфавиту, или тематически, т.е. соответственно в двух разделах.

Орфологический анализ языковых единиц позволяет говорить о графическом уровне. Создание орфологического словаря, анализирующего устойчивые случаи неверного написания, имеет очень большое как теоретическое, так и практическое значение. Первое проявляется в обобщении наблюдаемых тенденций, связанных с воспроизведением неверного написания (например, одну согласную букву вместо двух в иноязычных словах), второе – прежде всего в школьной и вузовской практике преподавания русского языка.

В связи с уровнем транслитерации, составляющим один из наиболее актуальных уровней орфологического анализа, на наш взгляд, уместно было бы затронуть процессы, имеющие место в современном суверенном Азербайджане. Как известно, после восстановления национального суверенитета социально-политическая ситуация начинает существенным образом влиять на языковую ситуацию. Ясно, что в эти годы было многое сделано для укрепления позиции азербайджанского языка как государственного языка Азербайджанской республики. Но одновременно с этим наши национальные амбиции стали распространяться и на русский язык,

что также вполне закономерно, так как в этом проявлялась реакция на тотальную русификацию советских лет. Возможно, и это закономерно, но по ходу этого процесса стали обнаруживаться явные перегибы. Один из них непосредственно касается проблем орфологии, поэтому мы и считаем целесообразным на нем остановиться.

В последние годы была изменена русская транслитерация многих, если не всех, азербайджанских топонимов. Так, *Нахичевань* стала *Нахчыван*, *Сумгаит* стал *Сумгайыт*, *Ленкорань* – *Лянкяран* и т.д. Процесс изменения транслитерации, на наш взгляд, не имел под собой ни лингвистических, ни каких бы то ни было серьезных политических предпосылок.

Основным и, конечно же, не научным, а околонучным доводом в пользу подобной трансформации было соответствие азербайджанскому произношению. Но, во-первых, ни о каком соответствии азербайджанскому произношению, да и любому другому оригинальному, не может идти и речи при транслитерации на другом языке. Во-вторых, непонятно, почему транслитерация иноязычного слова должна соответствовать не законам языка-рецептора, а законам языка-источника? Наконец, в-третьих, как можно менять что-либо в другом языке на том основании, что тебе это кажется правильным?

Кроме того, существует традиция транслитерации тех или иных иноязычных слов. Такого рода традиции также представляют собой факты истории культуры и не только истории культуры языка, а в целом истории национальной культуры.

Если же быть предельно объективным, то такого рода трансформации есть не что иное, как навязывание интерференции законов первого языка в письмо на втором. Интерференция, как известно, связана с ошибкой, нарушением языковых норм. В случае же с изменением *Нахичевани* на *Нахчыван* мы сталкиваемся с удивительным явлением, когда ошибка навязывается чужому языку как норма. В русском языке мягкое [ч] не может сочетаться с гласным непреднего ряда [ы]. А правилами орфографии запрещается буквенное сочетание ЧЫ (следует писать ЧИ). Носителю русского языка потребуются определенные усилия, чтобы произнести ЧЫ. Иными словами, нарушение норм другого языка требуется и возводится в ранг нормы. При этом характерно, что ни о каких соответствиях нормам интерферируемого языка также не может быть и речи, поскольку, например, русское [ы] и даже комбинация [чы] никак не соответствует азербайджанскому прототипу в слове *Naхçivan*.

Справедливости ради следует отметить, что этот пагубный процесс трансформации транслитерации устойчивых топонимов в русском языке начался, как и многие другие уродливые явления, в годы горбачевской перестройки. Все мы помним, как прогноз погоды в конце программы «Время» начал вдруг удивлять нас неожиданными транслитерациями: *Алма-Аты* вместо *Алма-Ата*, *Таллинн* вместо *Таллин* и т.д. Правда, никто не мог ответить ни тогда, ни сейчас на простой вопрос: что дает русскому или русскоязычному человеку удвоение конечного [н] в слове *Таллинн*, которое никак им не воспринимается и не артикулируется?

Рассматриваемые случаи изменения в Азербайджане транслитерации традиционных топонимов, разумеется, должны стать материалом для орфологического словаря.

Уровень орфологического анализа слова, или лексический уровень, чисто теоретически предполагает создание типологически различных словарей. Разумеется, практически это может быть и один словарь. Важнейшее место здесь занимает словарь, собирающий, систематизирующий и объясняющий случаи неточного словоупотребления. Использование слов в значениях, которыми они объективно не обладают, но которые связываются с ними в сознании носителей языка, составляет одну из наиболее распространенных речевых ошибок. Здесь следует оговориться, что существует и другой случай неточного словоупотребления, о котором в свое время часто говорил академик В.В.Виноградов, призывавший к строгости в лексикографическом разграничении значения слова и его употребления [16, 244-247].

Как уже отмечалось, некоторые исследователи относят к словарям трудностей и словари паронимов. В этом есть своеобразная логика, поскольку такая семантико-стилистическая

ошибка, как смешение паронимов, всегда обращала на себя внимание не только исследователей языка, но и его обычных носителей. Однако должно быть ясно, что языковая ситуация паронимии не несет в себе ничего необычного. Что же касается смешения паронимов, то здесь мы имеем дело с обычной неточностью словоупотребления, с незнанием точного значения слова. Тем более, что семантика паронимов, как правило, не находит достаточно четкого разграничения в словарях. Причем это характеризует как общие, так и специальные словари паронимов. Получается, что словарь паронимов отличается от общего толкового словаря только тем, что в нем паронимы приводятся в одной статье. Проблема неразграничения паронимов в принципе является общей проблемой неточного словоупотребления. Лишним свидетельством этого является сам факт существования паронимии и, более того, отождествление некоторыми учеными паронимии с паронимией.

Проблема паронимии или смешения паронимов одновременно и охватывается орфологической проблематикой и находится за ее пределами. На наш взгляд, в подобном утверждении нет ничего парадоксального и тем более нет ничего алогичного. Аргументом в пользу включения паронимии в сферу орфологической лексикографии является устойчивость и запрограммированность смешения паронимов. Аргументом против – является, как отмечалось выше, обычность проблемы неточного словоупотребления. Одним из критериев культуры речи, как известно, является точность употребления языковых средств. Таким образом, точность употребления как критерий культуры речи вовсе не ограничивается словоупотреблением, использованием в речи лексических единиц. Это общее требование, связанное с воспроизведением единиц любого уровня: звуков, морфем, лексем, фразеологических единиц и даже устойчивых и производимых словесных комплексов, не являющихся собственно языковыми, а представляющими собой речевые тексты, в силу тех или иных особенностей закрепленными за определенными типовыми ситуациями и воспроизводимыми. Например, пословицами, крылатыми словами, притчами, анекдотами, афористическими четверостишиями и т.д. Основным требованием к использованию языковых единиц является употребление их в строгом соответствии с функцией и значением. Разумеется, асимметрия кода может привести и приводит к *скольжению знака по наклонной плоскости*, если использовать известное выражение С.О.Карцевского. Но совершенно не случайно, что и к подобному передвижению знака предъявляются требования, суть которых сводится к прозрачности логики транспозиции.

Обращает на себя внимание определение *паронимов* и *паронимии* в Словаре лингвистических терминов О.С.Ахмановой. Например, «ПАРОНИМЫ Слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи» и «ПАРОНОМАЗИЯ (анноминация). Фигура речи, состоящая в (комическом или образном) сближении паронимов в речи, в стилистическом использовании звукового или семантического подобия употребляемых слов. *Русск.* Суд не на осуд, а на рассуд; Муж по дрова, а жена со двора» [7, 313].

Следует отметить, что смешение паронимов имеет своеобразную программу в языке. Вот почему проблема их смешения становится орфологической проблемой, так как именно наличие «программы ошибки» отличает данную проблему от обычного для культурноречевой и стилистической проблематики критерия точности употребления знаков. Любое слово может быть использовано в неточном значении, что встречается довольно часто и становится причиной бесконечных недоразумений между говорящими. Но должно быть совершенно ясно, что в любом языке отсутствует какая бы то ни было запрограммированность на ошибочное употребление. В случае же паронимов такая программа имеется. Смешение паронимов обусловлено рядом факторов, среди которых необходимо назвать связь с одним и тем же корнем, пересечение семантических структур, отношение к одной и той же части речи. Очень часто семантическое различие паронимов довольно незначительно, хотя и существенно. Незначительность различий делает обычным их смешение, существенность различий – определяет это смешение

как ошибку. Таким образом, паронимические словари вполне могут быть отнесены к орфологическим. При этом мы не должны забывать, что паронимы не должны считаться параллельными языковыми средствами, коррелирующими как норма/ненорма.

Орфологический словарь такого типа представляет характерные, устойчивые, предопределенные случаи неточного употребления слов русского языка. Что касается паронимов, то орфологический словарь должен рассматривать только те случаи, в которых смешение неизбежно. Трудно предположить, что люди, в той или иной степени владеющие языком, могут смешивать в речи такие слова, как *взбить* и *вбить*, *вбежать* и *взбежать*, *бородатый* и *бородастый*. Хотя очень часто подобного типа пары квалифицируются как паронимы. Другое дело, что в речи даже интеллигентных людей нередко смешиваются такие слова, как *адресант* и *адресат*, *трагический* и *трагичный*, *романтический* и *романтичный*, *анархический* и *анархичный*. Обилие такого рода смешений паронимов и стилистических ошибок чрезвычайно характерно для языка публицистики. Причина одна и состоит в том, что паронимы порой имеют очень тонкие семантико-стилистические нюансы, не улавливаемые носителями языка. Орфологический словарь, взявший на себя задачу дифференциации паронимов, обязан четко интерпретировать эти различия. Такого рода семантизация чрезвычайно полезна, поэтому роль орфологического словаря, анализирующего паронимы трудно переоценить. Такого рода словарь должен представлять собой весьма полезное введение в семантическую и стилистическую систему языка. Причем следует подчеркнуть, что орфологический словарь, описывающий различия между паронимами, должен отличаться от существующих словарей паронимов. Если обычные словари паронимов дают параллельно оба слова и соответствующие дефиниции, то орфологический словарь должен дать сопоставительный семантико-стилистический анализ. Более того, такой словарь должен приводить стандартные контексты смешения и выявлять дистрибуцию, стимулирующую смешение слов.

Выделяется орфологический словарь, связанный с необходимостью анализа устойчивых случаев неверного словоизменения. Широко распространены случаи неверного употребления окончаний родительного падежа множественного числа существительных, глагольных форм, особенно третьего лица множественного числа и т.д. Целью орфологического анализа на этом уровне является вообще выявление слабых участков в парадигме словоизменения.

Лексическая несочетаемость затрагивает как семантику, так и стилистику. Отклонения от нормы в данном случае могут быть связаны с алогичностью высказываний, но одновременно они могут быть предопределены незнанием или игнорированием ограничений, накладываемых конкретным языком. Анализ всегда должен исходить из того, что система доминирует над частным случаем, закон – над употреблением, какие бы окказиональные мотивации ни были бы налицо.

Нарушение синтагматических связей, носящих узуальный характер и опирающихся на предметно-логические связи, в принципе должно квалифицироваться как ущербность мышления, а не языка. Тем не менее мы думаем, что подобные нарушения могут быть связаны и с диалектом, языком определенной территории, и проявляться в речи не только как чисто языковое, но и интеллектуально-психологическое своеобразие жителей данного региона.

Однако известно, что ограничение на сочетаемость лексических единиц накладывают не только универсальные логические связи, но и конкретные системы национальных языков. Это самый слабый участок с точки зрения орфологии для иностранцев, так как, даже зная достаточное количество слов нового языка и правила их комбинирования, очень легко допускать ошибки в лексической сочетаемости, обусловленные спецификой ограничений, накладываемых данной конкретной системой. Разумеется, этимологически эти ограничения носят этнокультурологический характер. На наш взгляд, такого рода ошибки в сочетаемости часто допускают и естественные носители языка. Поэтому в данном случае мы имеем дело с очень серьезным уровнем орфологического анализа. Серьезную сложность представляет уже сам

сбор нормативных нарушений такого рода, т.е. случаев устойчивого выхода за рамки ограничений на сочетаемость, накладываемых русским литературным языком.

Ограничения такого рода обусловлены диахронией семантического и стилистического становления отдельных полей, парадигм, синтагм, в целом системы языка. Поэтому орфологический словарь, систематизирующий ошибки в области лексической сочетаемости, выправляет неточности как семантического, так и стилистического характера. Это может найти формальное разграничение в самом словаре. Но целесообразнее, на наш взгляд, не делать таких формальных разграничений.

Говоря о лексической сочетаемости и о речевых ошибках в этой области, объектом данного уровня орфологического анализа мы считаем также ошибки в согласовании определения с существительным и т.д. Понятно, что здесь затрагивается также и синтаксический уровень, однако так или иначе объектом словаря являются ущербные в том или ином отношении словосочетания, следовательно, можно говорить об одном уровне орфологического анализа.

Орфологический словарь, систематизирующий и объясняющий устойчивые ошибки в построении предложений, непосредственно связан с синтаксическим уровнем анализа. Орфологию синтаксиса интересуют факты строя простого и сложного предложений, порядка слов в предложении, употребления параллельных синтаксических конструкций.

Фразеологические единицы предполагают орфологический анализ на двух уровнях. Первый, естественно, связан с точностью употребления фразеологизма. Фразеологизм, как и слово, должен употребляться в том значении, которое ему объективно присуще. Второй – с окружением фразеологизма. Под окружением мы понимаем собственно структурную связь фразеологизма.

Теория фразеологического окружения была, как известно, создана проф. М.Т.Тагиевым и уже в 60-е годы было признано, что результаты исследования, проведенного азербайджанским ученым, обязательно должны учитываться при составлении как общих, так и специальных фразеологических словарей. Как отмечал в свое время В.А.Архангельский, «Составители фразеологических словарей современного русского языка, опираясь на положения этой монографии, должны указывать теперь важнейшие свойства морфолого-синтаксического окружения фразеологических единиц. Кроме того, книга дает важные указания для составления двуязычных словарей, так как в русской части таких словарей теперь следует указывать свойства морфолого-синтаксического окружения каждой фразеологической единицы» [3, 88-89]. Имеется в виду монография М.Т.Тагиева «Глагольная фразеология современного русского языка» [119].

Теория М.Т.Тагиева своей универсальностью решала задачи многих конкретных отраслей языкознания, однако многие ее положения до сих пор не использованы надлежащим образом. Как видим, и такой видный фразеолог, как В.А.Архангельский, говорит лишь о морфолого-синтаксических особенностях окружения фразеологических единиц, но не более того. Сам М.Т.Тагиев не отделял окружения фразеологизма от его ядра. Языковой реальностью ученый фактически считал конфигурацию. Так, он указывает, что «конструкция, образованная на основе собственно структурной связи между фразеологизмом и связанным с ним элементом (единицей), называется конфигурацией. Конфигурация состоит из самой фразеологической единицы как ядра и ее окружения. Изучение фразеологических единиц в конфигурации позволяет отвлечься от конкретных ситуаций и условий употребления фразеологизмов в речи. Поэтому конфигурация как база изучения фразеологических единиц противопоставляется типам предложений и словосочетаний, как единицам речи» [119, 50].

Языковой реалией и реальностью для М.Т.Тагиева была конфигурация, а вовсе не фразеологизм, поэтому не о морфолого-синтаксических особенностях окружения следует говорить, а о конфигурации в целом. Именно поэтому в дальнейшей перспективе теория фра-

зеологического окружения привела к пристальному вниманию бакинских исследователей к взаимодействию окружения и ядра на семантическом уровне.

Следует отметить, что взаимодействие окружения и ядра фразеологических единиц актуализирует орфологическую проблематику. Окаzionale изменение семантики и стилистики окружения может быть осознанным и преследовать нарративные цели в пространстве художественной литературы. Однако чаще всего встречается неосознанное нарушение существующих норм.

В сфере фразеологии часто встречается и неосознанная, но мотивированная контаминация. Например, выражение *кто во что горазд* встречается в форме *кто на что горазд*, где мотивация связана с устойчивостью синтагмы *кто на что способен* или просто *быть на что способным*.

Проблема значения и употребления в случае с фразеологическими единицами еще более осложняется, так как фразеологизм, будучи экспрессивной единицей языка, в разных ситуациях по-разному конкретизируется, проявляя тем самым гибкость и диффузность своего содержания. В случае употребления фразеологизма выпукло проявляется проблема комбинаторного варьирования общего значения. Возможно, это общая проблема единиц вторичной номинации, экспрессия которых позволяет в речевой конкретике значительно удаляться от инварианта, обладающего системным статусом. Тем не менее инвариант должен обладать пределом допустимого, который во всяком случае будет позволять дифференцировать узуальное и окаzionale. Коммуникативная эффективность высказывания, конечно же, оправдывает любое комбинаторное варьирование единицы вторичной номинации как виртуального знака. Тем не менее проблема единства и тождества знака не перестает быть актуальной и в области употребления фразеологии. Следовательно, орфологию должны интересовать системные причины закономерной трансформации в пределах фразеологической конфигурации. Не всегда конкретные проявления общей семантики фразеологической единицы охватываются словарным значением, не всегда они находят отражение в словарях. Орфологический словарь систематизирует и объясняет случаи неверного употребления фразеологических единиц в тех значениях, которые им не присущи. Например, в речи бакинцев фразеологизм *козел отпущения*, как правило, употребляется в значении «человек, которому все время поручается какая-либо работа, которую никто не хочет выполнять». Часто слышишь, когда кому-л. поручают что-либо, в ответ раздается сакраментальное *что я козел отпущения что ли?* Между тем фразеологизм *козел отпущения* означает «невиновный человек, на которого сваливается чужая вина». *Найти козла отпущения* означает свалить на кого-л. чужую вину, найти виноватого.

Ошибочное употребление фразеологических единиц представляет собой одну из распространенных речевых ошибок. Такого рода неточностями изобилует не только разговорная речь, но и язык художественной литературы. Еще в большей степени язык публицистики.

Орфологический словарь, систематизирующий ошибки в употреблении фразеологизмов, должен опираться на тщательное изучение письменных материалов и прежде всего языка публицистики, периодической печати. Можно заранее утверждать, что материала для орфологического анализа в сфере фразеологии окажется предостаточно. В то же время орфологический словарь не должен изменять своим принципам, прежде всего в нем должны найти отражение устойчивые ошибки.

Орфологический словарь фразеологических единиц может объединять ошибки обоих родов, т.е. как семантические, так и непосредственно связанные с окружением. В этом случае целесообразно подавать материал в двух разделах в соответствии с характером речевых ошибок.

Словарь вариантов в принципе является орфологическим словарем, если речь идет о вариантах в пределах национального языка, а не его нормированной формы. Интерпретация существующих вариантов должна сопровождаться демонстрацией предпочтительности одного

из них. Если же дается подсчет частотности вариантов и создается впечатление их равноценности с точки зрения системы норм, то в этом случае мы имеем дело с собственно словарем вариантности, не имеющим никакого отношения к орфологической проблематике. Орфологический анализ в такого рода словаре не предполагается.

Словарь вариантов, на наш взгляд, обязательно должен строиться на орфологическом анализе. Причем анализ вариантов должен опираться не столько на частотность, сколько на интерпретацию вариантов с точки зрения культурной традиции и перспектив ее развития.

В конечном счете орфологический словарь любого уровня представляет собой словарь вариантностей. В этом смысле подача вариантов представляет собой универсальную стратегию орфологии. Поскольку предметом орфологии является устойчивое отклонение от нормы, постольку речь идет о вариантных средствах *норма/ненорма*, устойчиво коррелирующих в языке и воспроизводимых в речи.

В то же время понятно, что, если орфологический словарь строится в основном на дихотомии *правильно/неправильно*, *более предпочтительно/менее предпочтительно*, *допустимо/недопустимо*, то словарь вариантов рассматривает и случаи *книжное/разговорное*, *правильно*, *хорошо/разговорное*, *допустимо* и т.д. В целом можно отметить, что и словари вариантов, строящиеся на дихотомии *правильно*, *лучшее/не лучшее*, *но допустимо*, также относятся к орфологическим. Суть таких словарей должна состоять в интерпретации ненормы как системного факта, а нормы на фоне этой интерпретации – как более оптимального средства выражения.

Таким образом, исходя из принципов орфологического анализа, можно выделить следующие виды орфологических словарей: словари произношения, ударения, точности словоупотребления, лексической сочетаемости, фразеопотребления, грамматических форм, фразеологической валентности и структурной связи, синтаксических моделей, вариантов.

Следует еще раз отметить, что, специально выделяя словарь вариантов, мы хотим подчеркнуть не речевые ошибки, а допустимые и не в меньшей степени связанные с культурной традицией языковые средства. Разумеется, в такой словарь должны войти единицы всех уровней анализа. В то же время, естественно, представленные и интерпретируемые в таком словаре варианты единицы, могут помещаться в соответствующие орфологические словари, дифференцируемые по уровням анализа. Что же касается словаря вариантов, не дающего орфологического анализа, не интерпретирующего варианты средства с точки зрения норма/ненорма, то в этом случае необходимо говорить о словаре частотности вариантов, а не орфологическом словаре.

В данную классификацию орфологических словарей не включаются лексикографические источники подобного рода для иностранцев, т.е. строящиеся на анализе устойчивых случаев интерференции. Эти словари могут не разграничиваться по уровням орфологического анализа, а отражать в себе последовательно речевые ошибки различного уровня.

1.4. Речевые ошибки и способы их фиксации в словарях

Из материала предыдущего раздела можно было составить представление о характере речевых ошибок, включаемых в орфологические словари разного уровня анализа. В настоящем разделе речь пойдет о тех случаях нарушения нормы, которые помещены в существующие словари неправильностей, правильностей, трудностей и вариантов.

Словари включают в себя случаи неточного акцентологического оформления слова, а также неверного артикулирования звуков и звукосочетаний. Например, *абза́ц* (не *а́бзац*), *агдо́ния* (не *аго́ния*), *агроно́мия* (не *агроно́мия*), *астроно́м* и устарелое *астро́ном*, *граве́рный* и в профессиональном просторечии *гра́верный* (К.С.Горбачевич); *булочная*, *булочник*; произношение *було(ин)ая*, *було(ин)ик* устаревает; *тенор*, не (*тэ*)*нор*, *термин*, *терминология*, не (*тэ*)*рмин* (К.С.Горбачевич) и т.д.

Как видим, в некоторых случаях Словарь дает объяснение отклонению от нормы, но в большинстве случаев этого нет. Объяснения типа «в проф. просторечии гравёрный» составляет исключение. То же относится и к ударению.

Особое внимание в словарях уделяется правильности образования грамматических форм. Например, «Любовь, род. любви (не любви). Ср. в прямой речи: – Может, и нету у вас никакой любви? Шукшин «Любавины» [123, 222]; «Мамашин, мамашино, род. Мамашиного и устаревающее мамашина, дат. мамашину и устаревающее мамашиному» [123, 223].

В словарях трудностей в отдельных статьях даются паронимические пары. Например, «Командированный – командировочный. Не следует употр. командировочный вм. командированный. Командированный имеет значение получивший командировку, находящийся в командировке» [123, 194]. «Абонемент – абонент. Недопустимо употр. абонемент (право пользования чем-либо в течение определенного срока; документ, удостоверяющий это право) вм. абонент (лицо, пользующееся абонементом)» [123, 13].

Однако в словарях трудностей не даются даже наиболее часто смешиваемые паронимы, не говоря уже обо всех паронимических парах. Если, действительно, нет надобности давать все паронимические пары в словаре трудностей, то те слова, семантическое разграничение которых представляет известную сложность, должны рассматриваться в таких словарях.

К точности словоупотребления относятся и случаи смешения однокорневых слов, не являющихся паронимами. Например, «Ванна. Не следует употр. ванна вм. слова ванная – «комната, где установлена ванна» [123, 52]. Или «Именины – «личный праздник кого-н. в тот день, когда православная или католическая церковь отмечает память одноименного святого» ... В современной разговорной речи слово *именины* неправильно употребляется вместо *день рождения* или *годовщина*, *юбилей* чего-нибудь (подобно тому как смешиваются слова *именинник* и *новорожденный*)» [123, 90].

Синтаксический уровень в этих словарях не представлен. Нет неправильных, не распространенных форм моделей предложений. Вообще материал словарей правильностей и трудностей носит выборочный характер. Эти словари подробно будут рассматриваться в третьей главе, здесь же отметим, что в них отсутствует систематизация речевых ошибок. В то же время именно систематизация должна стоять на первом плане в такого рода источниках. Систематизация и интерпретация ошибок составляют ядро словаря, посвященного неправильностям и показу оптимальности нормы на фоне ущербности ненормы. Учитывая подбор материала, характер речевых ошибок и способ их интерпретации, или вообще отсутствие интерпретации, можно утверждать, что словари правильностей, неправильностей и трудностей лишь условно могут называться орфологическими, поскольку собственно орфологических словарей пока не существует.

ГЛАВА II

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Определение теоретических предпосылок исследования в любой научной области должно идти двумя путями. Важнейшее значение имеет выявление путей формирования системы идей, дающих возможность на определенном синхронном срезе эволюции научной мысли говорить о необходимости создания стройной концепции. Наряду с этим не менее важным является очерчивание границ семантических объемов наиболее актуальных понятий создаваемой концепции. Следование в теоретической части лингвистического исследования этим двум направлениям, как правило, оказывается не только целесообразным, но и весьма плодотворным. С одной стороны, устраняется всяческая терминологическая путаница, с другой, – создается реальная возможность проследить преемственность в области научных идей. Второе особенно важно в тех случаях, когда по той или иной причине ставится под сомнение сама целесообразность создания научной концепции. Именно так, на наш взгляд, обстоит дело с систематизацией всего круга теоретических вопросов, связанных с разработкой проблематики орфологической лексикографии. Негативную роль в данном случае играет неоправданное перемещение в центр внимания слова *ошибка*. Терминологическое словоупотребление позволяет видеть под ошибкой вовсе не то, что имеет в виду обывательское мышление. В сознании лингвиста, привыкшего оперировать терминологией орфологической лексикографии, термин *ошибка* (именно термин, а не слово) соотносится с элементарным отклонением от существующих на том или ином этапе языковой эволюции представлений о правильности.

Таким образом, проследить преемственность научных идей, связанных с проблематикой орфологической лексикографии, крайне важно. Помимо чисто историко-лингвистической работы, проводимой в этом аспекте, преследуется также цель определения логики формирования предмета орфологической лексикографии в контексте лексикографии нормативной.

Здесь также возможны два пути. В одном случае рассмотрение истории лингвистических идей завершается созданием системы идей, позволяющих говорить о теоретической концепции. В другом случае – анализ истории идей предваряет описание нескольких наиболее значительных принципов, легших в основу создаваемой концепции, а завершает этот анализ уже сама концепция, как совокупность идей, ждущих своей практической реализации.

Второй путь нам представляется наиболее удобным, так как в этом случае уже в самом начале конкретизируется направление научных поисков. Исследовательская мысль работает избирательно, и ни одна, казалось бы, случайная деталь не остается вне поля зрения. С другой стороны, отсекается все, не имеющее непосредственного отношения к разрабатываемой проблематике. Подобная методологическая установка способствует большой логической жесткости и последовательности как исследования, так и изложения его результатов. Именно этим путем мы и решили пойти. Для этого, как отмечалось выше, необходимо с самого начала определить несколько теоретических принципов исследования.

2.1. Проблемы определения объекта орфологии и орфологической лексикографии

Важнейшим теоретическим принципом, определяющим направление настоящего исследования, является утверждение закономерности отклонения от нормы и необходимости его изучения наряду с нормой. Вторым основополагающим принципом, непосредственно вытекающим из первого, является необходимость фиксации этих отклонений.

Необходимой оговоркой, служащей дополнительным средством понимания общетеоретических установок исследования, является напоминание о том, что, говоря о необходимости лексикографической фиксации устойчивых отклонений от существующих на том или ином синхронном срезе языковой эволюции норм, имеют в виду особый тип словарей, специально с данной целью создаваемый.

Большое значение для верного понимания позиции автора имеет также четкое представление об объективном историческом процессе, сопровождавшемся созданием нормированных форм национальных языков во всем мире. Структура процесса была идентичной, что позволяет говорить об общей схеме, имеющей, разумеется, экстралингвистический характер.

Рассмотрение экстралингвистических мотивов формирования национальных литературных языков и небольшой экскурс в историю в данном аспекте не случайны, они позволяют прояснить авторскую позицию по отношению к отклонениям от норм литературного языка от того, что в сознании носителей культурной традиции ассоциируется с чем-то недопустимым.

Мы исходим из экстралингвистических мотивов образования литературных языков в системах общенациональных языков мира. В данном случае нормированная форма выступает как сознательно создаваемая, наддиалектная, обработанная и культурная форма национального языка. Экстралингвистический смысл подобного явления заключается в общеобязательности норм литературного языка, что делает его универсальным средством общения для этнически родственных групп, говорящих на вариантах одного языка. Это может быть и койне, но может быть и возвышение одного диалекта, приобретающего статус литературного языка, т.е. языка, нормы которого являются обязательными для носителей и других диалектов.

Логика подобного понимания литературного языка всецело опирается на учет принципов эволюции языковой системы во времени, когда избыточность языковых средств, дублетность и вариантность на каждом отдельном этапе истории языка убеждает в относительной «необъективности» понятия «норма» и «нормированная форма общенационального языка». Именно экстралингвистические факторы формирования литературного языка выдвигает на передний план Ф. де Соссюр. Под *литературным языком* он понимает «не только язык литературы, но в более общем смысле, любой обработанный язык, государственный или нет, обслуживающий весь общественный коллектив в целом» [115, 231].

Говоря о причинах и о конкретных способах образования такой формы национального языка, Ф. де Соссюр отмечает, что «с развитием цивилизации усиливается общение между людьми, один из существующих диалектов в результате своего рода молчаливого соглашения начинает выступать в роли средства передачи всего того, что представляет интерес для народа в целом. Мотивы выбора именно данного диалекта весьма разнообразны: в одних случаях предпочтение отдается диалекту наиболее развитой в культурном отношении области, в других случаях – диалекту того края, который осуществляет политическую гегемонию и где пребывает центральная власть» [115, 231].

Соссюр выдвигает вполне объективные мотивы формирования нормированного языка. Однако именно при таком подходе грань между нормой и ненормой становится весьма зыбкой. Все, что относится не к господствующему диалекту, объявляется неправильным. Неправильное в данном случае не столько является ущербным, сколько просто несоответствующим принятому. Здесь следует оговориться, что несоответствующее принятому может быть и ущербным, и не ущербным. Первое наблюдается в том случае, если принятое обладает статусом нормы вследствие оптимальности. Второе – когда статус нормы обеспечивается внесистемным, внешним влиянием. Например, политическим господством края, или иными причинами, упоминаемыми Соссюром.

Э.Косериу критикует Соссюра за преувеличение роли синхронии [49, 154], т.е. языковой данности. Разумеется, если изучать только историю языка, историю его становления, то мы будем изучать непрерывно сменяющие друг друга состояния языка. Соссюр за то, чтобы изу-

чать языковую данность, систему вне временной эволюции, конкретный этап. Именно такое абстрагирование от эволюции, от времени предполагает и изучение нормированной формы языка, системы норм. Это обусловлено постоянными изменениями в системе норм, неустойчивостью нормы. Э.Косериу не против допущения подобной абстракции, но против абсолютизации статики.

Э.Косериу дает следующее определение нормы в ее связи со становлением системы: «норма уже, чем система, поскольку она связана с выбором в пределах тех возможностей реализации, которые допускаются системой. Выбор же представляет «внешние» (например, социальные или территориальные) и «внутренние» (комбинаторные и дистрибутивные) вариации. Следовательно, нормой определенного языка является его «внешнее» (социальное, территориальное) равновесие – между различными реализациями, допускаемыми системой» [49, 174].

Такое соотношение нормы и системы вполне логично. Однако нам представляется, что в этом случае речь идет не столько о нормах литературного языка, сколько о языковой норме как наиболее оптимальном способе выражения. В данном случае нам представляется недопустимым отождествление этих двух понятий. Разумеется, наиболее оптимальными являются те случаи, когда норма литературного языка представляет собой наиболее оптимальное средство выражения. Но весь вопрос сводится к тому – всегда ли это обстоит подобным образом?

К.С.Горбачевич, рассуждая о критериях выделения норм литературного языка, отмечает, что после работы Э.Косериу соотношение нормы и системы стало привлекать внимание. Однако К.С.Горбачевич указывает: «К сожалению, даже такой подход не гарантирует нас от ошибок при разграничении: «норма» – «ненорма». Например, в современной устной (особенно профессиональной) речи весьма распространены формы лекторá, лекторóв (вместо лéкторы, лéкторов). Система русского литературного языка в самом деле открывает возможность образования форм на –а/–я/ у существительных мужского рода, имеющих ударение не на последнем слоге» [26, 29].

Нам кажется, что в данном случае допускается подмена понятий. Э.Косериу говорит о системе языка и об идеальных способах реализации смысла. К.С.Горбачевич говорит о системе норм, не о системе языка, которая может иметь нормированную форму. Дело в том, что нормативная система также может допускать вариации. Следовательно, можно говорить о вариантности в системе норм и о вариантности в языке. К.С.Горбачевич приводит пример на вариантность в системе норм, в нормированной форме языка. Он прямо говорит о допустимости в русском языке вариантности в системе норм.

Однако совершенно ясно, что Косериу строит свои рассуждения на логике классических принципов структуралистского языкознания. Он думает о норме как о языковом средстве, наиболее полно и ярко выполняющем определенную функцию. Язык – это система форм, следовательно, норма – это форма, идеально подходящая для выражения того или иного смысла. Такое понимание языковой нормы, а, следовательно, и ее динамики, несколько отличается от обычного понимания динамического характера нормы, принятого в советском языкознании и развиваемого, в частности, Горбачевичем.

Советское понимание нормы исходит из принципа формирования в рамках общенационального языка его нормированной формы. Это теория во многом опирается на социологические выкладки. Литературный язык и его формирование связываются с такой огромной важности задачей, как обеспечение коммуникативных потребностей этнокультурного единства, называемого нацией. В марксистском языкознании это важнейший принцип формирования литературного языка и нормы соответственно.

Совершенно очевидно, что в указанной работе Косериу речь идет совсем о другом. Здесь речь идет о принципах существования и эволюции кодовой системы. Для Косериу норма не то, что навязывается как обязательное для всех носителей национального языка. Именно так происходит, когда в истории литературного языка выдвигается один диалект, средства которого

объявляются обязательными для всех. Причина такого выдвижения, как правило, кроется не в языковых, а в политических условиях.

Норма – это то языковое средство, которое в результате эволюции системы доказало свою жизнеспособность и оптимальность. Очень важно в этом отношении упоминание такого свойства языка, как гетерогенность плана содержания и плана выражения. Эта особенность носит универсальный характер и проявляется даже в искусственных кодовых системах. Можно сказать, что это форма и способ существования кодовой системы во времени. Принцип гетерогенности плана выражения и плана содержания в языке подробно рассматривается в ставшей классической статье С.О.Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», поэтому вряд ли стоит подробно останавливаться на этом вопросе. Следует лишь отметить, что из положений этой работы, в настоящее время общепринятых, вытекает такое понимание сущности языка, которое связывает норму не с литературным языком, а с языком вообще. Тенденция означаемого в контексте гетерогенности двух планов языка с необходимостью предполагает выбор наиболее оптимального средства с точки зрения выражения заданного смысла, или, более отвлеченно, с точки зрения выполнения конкретной функции.

При таком подходе норма не имеет отношения к литературному языку, она связана с оптимальностью в плане выполнения языковой функции. Таким образом, нормативность как свойство системы языка характеризует все языки мира, включая и те, которые в силу своей неразвитости лишены особой формы, способной быть названной литературным языком. Нормативность свойственна и языкам, не имеющим письменности и даже богатой устной поэтической традиции. Нормативность – это просто принцип существования системы.

Такое понимание природы нормы меняет отношение и к ненорме. В этом случае ненорма не является ошибкой. Ненорма – это то средство, которое существует в парадигме на правах равноправного члена или варианта, семантического или стилистического, или даже семантико-стилистического. Сам принцип гетерогенности обуславливает такое вполне объективное отношение к корреляции норма/ненорма. Подобная корреляция глубоко диалектична, она соприкасается с культурной традицией, но всякий раз предпочтение того или иного члена парадигмы детерминируется языковыми вкусами эпохи. Под последними нельзя понимать нечто эфемерное, языковой вкус эпохи – напоминание о неразрывности филогенетических связей языка и общества.

Когда мы связываем норму, как оптимальное средство выражения, только с литературным языком, допускается игнорирование общих законов языковой эволюции. С другой стороны, мы как бы признаем, что стимулом для развития нормированной формы языка исторически явились только внутриязыковые причины. Заранее отмечается всё экстралингвистическое. Но в этом случае на передний план выступают ряд очень серьезных вопросов, важнейшим из которых является существо различий между литературным языком и языком письменности долитературного периода. Вообще появляется необходимость пересмотра критериев литературного языка.

Самым обычным несоответствием является отсутствие каких-либо значительных семантико-стилистических различий между языком долитературного периода и так называемым литературным языком. Например, известно, что одним из критериев литературного языка считается наличие развитой системы функциональных стилей. Если тот или иной язык на определенном этапе своего исторического развития был лишен системы функциональных стилей, то, как правило, ученые считают, что в этом случае говорить о литературном языке не приходится. С другой стороны, исследователи этого периода, сравнивая его с языком периода развитого литературного языка, не находят каких-либо существенных отличий. На этом основании они утверждают, что литературный язык у народа существовал уже в тот долитературный период. И они правы, так как используемые средства выдержали экзамен на оптимальность, независимо от того, все ли функциональные стили в одинаковой степени развиты или нет.

Особенно это касается языков восточных, обладавших богатой литературной традицией, но до сравнительно недавнего исторического времени не имевших развитой системы функциональных стилей в западноевропейском понимании.

Например, несмотря на утверждения русских ученых, что азербайджанский литературный язык сложился только к началу XX столетия, факты говорят о том, что язык письменности XVIII века мало чем отличается от языка нашего времени. Ссылаются при этом на язык Молла Панах Вагифа, поэзия которого совершенно понятна современным носителям азербайджанского языка. Возможно, до начала XX в. азербайджанский литературный язык не обладал развитой системой функциональных стилей, но с точки зрения оптимальности используемых средств он вполне сложился и был совершенен уже в XVIII в., если не раньше.

Подобные примеры по меньшей мере заставляют еще раз задуматься об объективности критериев нормированного языка. Они, действительно, приводят к пересмотру границ этого явления. Однако при этом важно помнить и другое: неправомерно проводить жесткие границы между литературным языком и так называемым долитературным состоянием языка.

Отмеченное можно свести к следующему. Существует, на наш взгляд, два контекста рассуждений о норме и нормированном языке. Первый связан с рассуждениями о литературном языке как о языке наддиалектном и обслуживающем нужды нации, т.е. некоторого этнического единства, состоящего из родственных групп с близкими наречиями. Это историческое явление, связываемое с определенным этапом в истории языков и народов.

Напротив, совсем другое дело формирование нормы как постоянный процесс отбора в языке, как результат перманентного процесса выявления наиболее оптимальных средств выражения. Без этого процесса, вне его, нет языка вообще, этот процесс не имеет отношения к историческому формированию литературного языка.

Разумеется, может возникнуть резонный вопрос: а не являются ли эти два процесса в сущности одним процессом, одним явлением? На наш взгляд, нет, несмотря на объединяющие их моменты. В сущности, по своему характеру в этих процессах много общего, так как речь идет о формировании образцового языка, усовершенствованного. Однако процесс формирования литературного языка носит сознательный характер, в то время как второй процесс представляет собой способ существования и эволюции языковой системы. Например, мы знаем, какой характер носила деятельность Н.М.Карамзина и А.С.Пушкина в истории русского литературного языка, или, скажем, Мартина Лютера в истории немецкого литературного языка. Это был сознательный процесс, ориентированный на создание особой формы языка, способной передать тончайшие оттенки мысли, быть примененной в самых разных сферах человеческой деятельности.

С другой стороны, процесс выбора и естественного отбора в системе и в целом процесс оптимизации системы имеет отношение не только к общенациональному языку, он, как уже отмечалось, затрагивает любую кодовую систему, в том числе любой диалект. Например, процесс формирования немецкого литературного языка начался с Лютера, однако даже после Гете не было единого литературного языка. Кроме того, даже сегодня вопрос о едином литературном языке стоит очень остро для немцев различных земель, не говоря уже о немцах Австрии, Швейцарии и т.д.

Проблему орфологии необходимо рассматривать именно в этом контексте. Термин *речевая ошибка* должен восприниматься именно в этом контексте. Всё, что коррелирует в контексте единой системы с принятым за образцовое, идеальное средство, может быть условно названо *речевой ошибкой*. Это, действительно, ошибка в смысле отклонения от принятого средства, но это может и не быть ошибкой с точки зрения состояния системы. В этом и заключается динамический характер нормы. Скорее даже не нормы, а системы, поскольку динамический характер присущ системе.

Орфология занимается, таким образом, отклонениями от нормы и их причинами. Сюда относится как собственно ошибка, нарушение нормы, связанное, например, с неграмотно-просторечным словоупотреблением, как диалектное влияние, так и собственно вариативный коррелят нормы, сосуществующий наряду с ним в системе языка. Смысл орфологии как раздела языкознания заключается именно в этом. До сих пор сам термин *орфология/ортология*, как правило, употреблялся в качестве синонима нормативной лексикографии. Безусловно, орфология служит утверждению нормы, и в этом смысле орфологические словари составляют единство с нормативными словарями. Но очень важно понять, что по цели и по сути орфологические словари существенно отличаются от нормативных.

Смысл орфологических словарей не только в фиксации нормы, но также во вскрытии ее динамики. Таким образом, описание самого соотношения коррелятов в рамках парадигм норма/ненорма входит в обязанности орфологического словаря. Отсюда следует, что орфологический словарь – это словарь совершенно иного типа, чем словарь нормативный.

Неразграничение предмета нормативной и орфологической лексикографии прежде всего сказывается в случайном отходе от принципов той и другой. Например, строго нормативный подход исключает фиксацию отклонений от нормы. Тем не менее иногда такие словари, как орфографический или орфоэпический, указывают на ненорму, подчеркивая ее недопустимость: «не ..., а ...».

Идея орфологической лексикографии состоит в сборе, анализе, систематизации и интерпретации стандартных, стереотипных случаев нарушения нормы. Если ошибка, отклонение от нормы, регулярно воспроизводится, следовательно, она носит устойчивый характер. Если она носит устойчивый характер, следовательно, она запрограммирована кодовой системой. В этом случае всякое отклонение от нормы имеет право на фиксацию и изучение. Само слово *ошибка* носит в данном случае весьма условный и относительный характер. Точнее было бы назвать это состоянием системы и его проявлением. Таким образом, изучая и фиксируя в специальных лексикографических источниках отклонения от существующих норм, мы выявляем и изучаем действие определенных закономерностей. Различие между орфологическим словарем для носителей языка и иностранцев в данном случае носит существенный характер. Орфологический словарь для носителей языка строится на систематизации и интерпретации того, что противостоит норме в рамках единой системы языка, что позволяет выявить динамику сосуществования параллельных средств, относящихся к одним и тем же парадигмам. Существенно также то, что в рамках подготовки к созданию подлинно орфологического словаря создается представление об эволюции нормативной системы в диахронии ее корреляции с диалектами, понимая под последними как территориальные, так и социальные разновидности языка.

Орфологический словарь для иностранцев не вскрывает характера эволюции внутри системы языка. Этот тип словаря строится на материале контрастивных исследований, раскрывающих характерные отличительные особенности двух языков. Эти особенности носят не случайный, а системно значимый характер, поэтому они и мешают овладению вторым языком. При реализации системы второго языка они, системно значимые особенности родного языка, постоянно проявляются. Такие проявления закономерных особенностей родного языка при реализации системы второго, изучаемого, языка принято называть интерференцией.

Явление интерференции хорошо изучено в лингвистике, в частности, в теории языковых контактов. В наши задачи не входит рассмотрение интерференции, отметим лишь, что не всегда она носит очевидный и поверхностный характер. Нередки случаи интерференции в речи двуязычных индивидов, которые определяются только в результате анализа. Возможно даже подобное влияние одного языка на другой. Во всяком случае орфологию интересуют все случаи интерференции, все случаи влияния системы одного языка на реализацию системы другого языка. Например, азербайджанского на русский. Об актуальности такой проблемы и насущной потребности в создании такого словаря свидетельствует наш опыт многолетнего препода-

вания в АПИРЯЛ им. М.Ф.Ахундова и БСУ. Опыт показывает, что интерференция практически не изживается. Влияние азербайджанского языка на русскую речь студентов, а порой и преподавателей с азербайджанским средним образованием, носит очень устойчивый характер. Это влияние не случайно, оно проявляется на разных уровнях, от фонетики до синтаксиса, оно исчисляемо, поддается учету, объяснению и систематизации. Следовательно, с ним можно бороться. Незаменимым средством для этого и является орфологический словарь, как раз и выполняющий всю работу по учету, систематизации и объяснению устойчивых и воспроизводимых случаев нарушения норм русского литературного языка в речи азербайджанцев.

Поскольку принцип орфологии все же един, несмотря на причины отклонений от норм в речи носителей языка и иностранцев, можно говорить о принципах общей орфологии. Но поскольку все же мотивы лексикографической проблематики различны, – в первом случае изучаются факты системы одного языка, во втором – проявление законов другого языка в речи иностранцев, – следует говорить также отдельно о принципах русской орфологии. Следовательно, орфологический дискурс предполагает органическое объединение принципов общей и частной орфологии.

Сравнивая нормативную лексикографию с орфологической, необходимо отметить, что эти словари находятся в разном отношении к литературному языку как системе норм, как нормированной форме общенационального языка. Это обстоятельство также носит не случайный, а закономерный характер. Оно обусловлено задачами указанных лексикографических типов. Нормативный словарь создается как результат исторического завершения (или относительного завершения) процесса формирования национального литературного языка. Например, в России первой попыткой создания такого словаря нужно считать не словарь Я.К.Грота, как это принято считать, а Словарь Академии Российской, созданный в конце XVIII в.

Конечно, никто не будет ставить под сомнение тот факт, что та часть академического словаря, которая была подготовлена и издана Я.К.Гротом, представляет собой первую попытку строго нормативного словаря русского языка. Однако дело в том, что Словарь Академии Российской явился осознанной попыткой создания именно словаря литературного языка. В это время не сложилась еще теория нормативной лексикографии. Ведь сам дискурс нормативной лексикографии складывался на протяжении всего XIX века, захватив и первую четверть следующего XX в. И Словарь Грота в структуре разных своих частей со всей очевидностью свидетельствует о том, что этот дискурс не завершился и в начале XX в.

Несмотря на отсутствие представлений о норме и нормативной системе, М.В.Ломоносовым и другими учеными того времени ощущалась необходимость создания словаря литературного языка. Сама теоретическая дифференциация лексики русского языка, проведенная М.В.Ломоносовым, есть теоретизирование в контексте дискурса национального литературного языка. Мысль о необходимости создания словаря литературного языка, построенного на подобном понимании дифференциации лексики, имеет непосредственное отношение к нормативной лексикографии.

Нормативный словарь по отношению к литературному языку носит абсолютный характер. Это обстоятельство в наиболее жесткой форме было сформулировано и реализовано в конце XIX в. в подготовленной Я.К.Гротом части академического словаря. Но уже теория трех штилей М.В.Ломоносова, термины, используемые им, говорят о сознании приоритетности одних языковых средств по сравнению с другими, а также о необходимости создания словаря этих приоритетных средств языка. Это входит в задачу нормативного словаря. Он фиксирует норму, для этого он и создается. Тот факт, что нормативный словарь иногда отходит от этой своей абсолютной позиции по отношению к нормированному языку и отмечает для сравнения рядом с нормой и ее устойчивое нарушение, свидетельствует о двух вещах. С одной стороны, о нарушении принципов нормативной лексикографии, с другой, – об интуитивном понимании необходимости фиксации в словаре и фактов нарушения норм.

В отличие от нормативного словаря, занимающего по отношению к норме и нормированной форме языка абсолютную позицию, словарь орфологический, в задачи которого также входит утверждение нормы, по отношению к нормированной форме языка носит относительный характер. Особенно выпукло это проявляется в идее словаря вариантности как одной из разновидностей орфологического словаря. Фиксация в специальном словаре вариантов словоупотребления, а также указание их частотности чаще всего не позволяет делать выводы относительно нормы и ненормы. Ценность такого словаря в демонстрации состояния соотношения вариантов на определенном синхронном срезе. По сути дела, такие словари вариантов должны выходить постоянно время от времени. Только это и позволяет судить о характере движения в языке.

Относительность орфологического словаря по отношению к норме проявляется и в отсутствии интерпретаций в этом словаре. Орфологический словарь чаще всего говорит «так, а не так», не объясняя – почему. Это создает определенную непредвзятость подхода, т.е. не говорится, что это хуже, а то лучше и по какой причине. С другой стороны, создается также впечатление необъективности, так как языковой опыт носителей языка может отчетливо противоречить данным орфологического словаря. Поэтому идея орфологического словаря как обязательный компонент включает в себя интерпретацию. Если словарь вариантности не просто дает варианты, а сообщает статистические данные об их встречаемости за определенный период, то словарь трудностей словоупотребления должен не просто приводить неправильное, но и объяснять, почему оно является неверным, почему так не следует говорить или писать. Необязательно, чтобы интерпретация сопровождала каждую словарную статью, она вполне может иногда даваться в сносках. Это зависит от принципов конкретных словарей, но важно, чтобы интерпретация была обязательным фрагментом лексикографического описания.

Нормативный и орфологический словари по сути дела имеют очень серьезное отличие принципиального характера. Если нормативный словарь включает в себя только правильное как единственную реальность на определенное время, то орфологический словарь показывает состояние системы или ее отдельного участка. Разумеется, оба типа словаря при этом служат утверждению и пропаганде норм литературного языка. Но очень важно понять, что орфологический словарь в большей степени, чем нормативный, непосредственно демонстрирует связь с культурной традицией. Тот факт, что в нормативном словаре могут быть средства, находящиеся за границами литературного языка, ничего не значит. Включение в нормативный, например, толковый словарь диалектных слов должно быть чем-то обусловлено, эти слова снабжаются пометами и выглядят как инородные и чуждые духу литературного языка явления.

Нормативный словарь демонстрирует норму. Орфологический, – показывая соотношение нормы и ненормы, фактически прослеживает культурную традицию, составляющую стержень литературного языка.

С указанным отличием нормативного и орфологического словаря непосредственно связана и другая их отличительная особенность. Она состоит в отношении этих словарей к времени, к временной эволюции нормированной формы языка. В этом отношении нормативный словарь является синхроническим, в то время как орфологический словарь является если и не чисто диахроническим словарем, то синхронно-диахроническим. Поясним нашу мысль.

Литературный язык как нормированная форма языка зиждется на культурной традиции, уходящей корнями в глубь веков. Но в каждый данный момент истории языка система норм отражает определенное статус кво системы. Норма не терпит двойственности по своей природе, что поддерживается культурной традицией. При этом важно понять, что вариантность не противоречит этому, поскольку варианты должны интерпретироваться в отношении указанного статус кво, что определяет статус нормы, нормативности. Нормативный словарь также в свою очередь призван отражать норму, следовательно, определенное фиксированное состояние языка в отвлечении от времени.

Орфологический словарь не может исключить из описания время, так как он дает соотношение нормы и ненормы, или вариантов, или литературного и разговорного, литературного и диалектного, употребительного и устаревшего и т.д. Поэтому данный тип обязательно в определенной степени отражает отжившее, прошлое языка, с другой стороны, по материалам орфологических словарей можно делать прогнозы на будущее, понимать причину различных изменений в системе норм.

Учитывая это обстоятельство, можно высказать мысль о том, что, не совпадая по своим целям и задачам с нормативным словарем, орфологический словарь, выступая в качестве его противоположности, находится в контексте нормативной лексикографии.

Таким образом, принципы орфологической лексикографии можно определить следующим образом. Орфологические словари порождаются необходимостью лексикографической фиксации устойчивых и воспроизводимых отклонений от существующих норм литературного языка. Орфологический словарь нельзя смешивать с нормативным словарем. Если нормативный словарь отражает норму, орфологический – описывает систему в динамике.

Если говорить о существующем орфологическом дискурсе, то придется отнести сюда словари трудностей, под самой трудностью понимая фактически воспроизводимое отклонение.

Орфологический дискурс оформляется как подлинно историко-лингвистический, а вовсе не как некоторое дополнение к дискурсу нормативному. Основным критерием фиксации ненормы является воспроизводимость в речи. Как это ни звучит парадоксально по отношению к тому, что квалифицируется как ошибка, но воспроизводимость в речи является самым убедительным свидетельством узуальности. Таким образом, воспроизводимая «ошибка» носит не случайный речевой, а закономерный языковой характер. Отсюда следует, что «ошибка» обладает системным статусом. Сам термин *трудность* приобретает универсальный характер в орфологическом дискурсе. Это именно трудность, поскольку носит закономерный и поэтому воспроизводимый характер. Такую ошибку, действительно, трудно преодолеть.

Орфологический словарь строится на скрупулезном изучении системно релевантных факторов, в силу чего только и возможно прогнозирование. Кроме того, норма, несмотря на ее доминирование и «авторитет», вполне подвергается проверке на прочность, так как для орфологии не существует авторитетов. Анализ системы в плане дублетности средств выражения определяет подлинно оптимальное. С другой стороны, конечно, такой анализ является лучшим средством для пропаганды существующих норм. Создание подлинно орфологических словарей находится в полном соответствии с логикой теории лексикографии, что очевидно прослеживается в трудах филологов широкого профиля, лингвистов и лексикографов.

2.2. Закономерности формирования орфологической теории

Анализ общелингвистической и лексикографической литературы свидетельствует о закономерности формирования орфологической проблематики. Дискурс нормативной лексикографии уже в самом начале центрируется вокруг вопроса об устойчивых отклонениях от норм литературного языка, о правомерности и легитимности норм, их природе и причинах замены одних норм другими, изменениях соотношения норм и ненорм. Для этого контекста характерны непрекращающиеся на протяжении нескольких столетий споры об объективности существующих норм, о степени допустимости иного написания, произношения, употребления. В настоящее время очевидна наивность многих рассуждений и представлений о норме, характерных для прошлых эпох. Не было даже единого мнения о судьбах развития литературного языка. Если одни считали, что дай Бог русскому языку когда-нибудь образоваться на манер французского, то другие считали, что ему нужно избавляться от всего чуждого и сохранять свою девственность. Иногда и то, и другое парадоксальным образом сочеталось во взглядах одного и того же лица. Например, А.М.Мамедли приводит в пример А.С.Пушкина: «Рассуждая о судьбах русского языка, поэт выражает надежду, что русский язык и в будущем сохранит свою девственную силу, и здесь он позволяет себе критику в адрес столь высоко ценимого им француз-

ского языка: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали» [88, 62 – И.Б.]. И это при том, что: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы – т.е. языка мыслей)» [88, 120– И.Б.]» [61, 53].

Объективный ход языкового развития приводил к стабилизации системы. Бурный период смешения стилей, столь характерный для второй половины XVIII в., все же завершился попыткой введения русского языка в литературную норму Н.М.Карамзиным, а затем и гармонией языка Пушкина в начале следующего столетия.

Конец XIX в. и вовсе был ознаменован лапидарностью и изяществом текстов Л.Н.Толстого, А.П.Чехова и др. Это золотой век русской культуры и русского языка.

Тем не менее споры о языке не прекращались всё это время. Мы восхищаемся языком и стилем Серебряного века русской литературы, тем не менее это время, одно из наиболее бурных в истории русского литературного языка.

Последующая советская эпоха вообще сместила акценты, всеобщая политизированность целиком охватила и область языка. Относительная стабилизация довоенных и послевоенных лет сменилась тягой к модерну в годы оттепели.

Этот процесс все время усугублялся, но даже в этих условиях языковой беспредел конца XX века носит совершенно поразительный характер. Теперь уже часто говорят не о правильном и неправильном, допустимом и недопустимом с точки зрения литературного языка, а о необходимости каким-то образом ограничить всевластие грубого просторечия и многочисленных жаргонов.

Изменения, затрагивающие литературный язык, носят весьма и весьма значительный характер. Отношение к этим изменениям может быть разным. Нередко встречается позиция, восходящая к Ф. де Соссюру, который, как известно, считал, что язык находится в постоянном движении и изменении, но ни один человек не может повлиять на него. Л.М.Грановская, долгие годы занимавшаяся процессами, имевшими место в истории русского литературного языка, пишет: «Одной из важных тем становится вопрос о потерях в языке. Описание его изменений в послеоктябрьский период включало в этот процесс новые пополнения и уход старых, «ненужных» слов» [28, 116].

Оказывается, что в этот период ненужными стали многие из слов, обозначающих важнейшие понятия нашей духовной жизни. «По мнению исследователей, 90-е годы стали вторым (после 20-х годов) временем, когда литературный язык испытывает сильное влияние вулгарной лексики и фразеологии» [28, 117]. Л.М.Грановская приводит слова Б.А.Ларина о том, что все литературные языки испытывают время от времени периоды варваризации.

Судьбы литературного языка как нормированной формы общенационального языка на протяжении всей его истории оказываются очень сложными и неоднозначными. Отмеченная Б.А.Лариным варваризация носит вполне естественный характер. Исторически она проявляется как реакция на общеобязательность и непреложность нормы. Но не только это характеризует этапы варваризации. Совершенно ясно, что они происходят не сами по себе, а сопровождают как обязательный элемент демократизацию литературного языка.

Т.М.Григорьева пишет: «Точкой отсчета в проведении реформы русской орфографии, долгое время считавшейся исключительной заслугой советского правительства, следует признать дооктябрьские события: «Постановления совещания при Академии наук под председательством академика А.А.Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания», принятые 11 (24) мая 1917 г. (с 13-ю пунктами упрощения и историческим комментарием к каждому из них)» [32, 53]. Отмечается, что антибольшевизм русского зарубежья определяет и отношение к новшествам в орфографии. Проблема имела самое непосредственное отношение

и к воспитанию в эмиграции нового поколения: «Вопрос о новой орфографии был не менее (если не более) актуальным и для зарубежной школы, поскольку обучение орфографии (новой или старой?) требовало четкой позиции. Русские за пределами России были во власти «любви к утраченной Отчизне». Они пытались сохранить утраченное прошлое, и это порождало консерватизм и вселяло опасение, что какое-либо отступление от прежнего уклада (в том числе – орфографического) деформирует национальное самосознание детей» [32, 55-56].

Казалось бы, проблема орфографических инноваций – дела давно минувших дней. Т.М.Григорьева указывает, что русское зарубежье постепенно склонялось к новой орфографии. Однако не тут-то было. «Орфографический антибольшевизм выплеснулся вновь в постсоветский период. Ежемесячный журнал «Православная жизнь», издаваемый Свято-Троицким монастырем с 1949 г., в 1987 г. посвящает отдельный выпуск (изданный в дореформенном орфографическом облике) орфографической теме» [32, 60]. Совершенно в духе современных когнитивных исследований отмечается: «Сожалея о том времени, когда Ъ и Ь были выразителями самодержавной власти, авторы этих статей ратуют за возвращение утраченной орфографической традиции и, думается, скорее всего потому, что орфографическое упрощение и революционные преобразования в их сознании до сих пор представлены нераздельно, как звенья единой цепи» [32, 60].

Такого рода факты создают совершенно новое представление о нормах литературного языка, непосредственно связывая их с культурной традицией. Следует оговориться, что в данном случае под культурной традицией вовсе не имеется в виду исключительно традиция литературного языка. Речь идет о данной культуре и ее истории. Подразумеваются совокупность духовных и материальных ценностей, созданных народом, поскольку и в материальной выраженности также представлена духовная традиция. Совершенно очевидно, что исторически и даже синхронно могут существовать прямо противоположные оценки нормы. Приведенные высказывания оценивают норму столетней давности под углом когнитивизма. Точнее, это мы сегодня интерпретируем такого рода оценки как когнитивные, авторы же оценок считали их вполне реальными. Для нас важно понимание некоторой эфемерности нормы под углом зрения людей различных культурно-исторических и социально-политических взглядов.

Конечно, возвращение к старой орфографии и даже сами призывы выглядят сегодня анахронизмом. Тем не менее они имеют под собой вполне реальную почву, а сами рассуждения поддаются логическому анализу. Поскольку культурная традиция есть именно консерватизм культуры, носители традиции просто не могут отказаться от нее. Отказ от традиции означает ее неуклонное разрушение. Конечно, культура распространяется на весь народ, не разграничивая отдельных социальных слоев с точки зрения приближенности к ней. Так, например, русская культура есть принадлежность русского народа. Хотя здесь можно оговориться, что существуют такие определения, как *усадебная культура*, *дворянская культура*, *помещичья культура* и т.п.

В то же время известны факты целенаправленной политики приближения широких народных масс к культуре. Такую политику принято обозначать как *культурную революцию*. Культурная революция имеет своим содержанием демократизацию, но демократизацию в соответствии с представлениями о революционных преобразованиях.

В аспекте формирования культурной традиции вообще и языковой, в частности, совершенно необходимо учитывать, что всякая демократизация представляет собой отход от культурной традиции, ее трансформацию.

Общеизвестно, что в системе национального языка его культурная и обработанная форма, называемая литературным языком, противостоит диалектам и просторечию. С этой точки зрения этапы варваризации могут рассматриваться как проявление внутрисистемного противостояния средств, закрепленных за разными сферами употребления общенационального языка.

Литературный язык в определенном смысле может рассматриваться целиком в рамках культурной традиции. Это делает нормированную форму языка до некоторой степени не только культурным, но и искусственным образованием.

Принято разграничивать литературный язык вообще и национальный литературный язык, отмечая при этом, что если национальный литературный язык формируется на базе живого народного разговорного языка, то литературным языком, обслуживающим «культурные» потребности нации, может быть и чужой язык. Например, арабский язык, служивший литературным языком для народов мусульманского Востока, являлся до некоторой степени для них искусственным языком. Совсем другое дело национальный литературный язык, формирующийся на основе живого народного языка и впоследствии все время питающийся его живительными соками. Именно в этом контексте создается весьма и весьма неоднозначная ситуация с соотношением литературного языка с культурной традицией, с одной стороны, и живым разговорным языком народа, с другой.

В этом смысле чрезвычайно характерна ситуация с испанским языком, распространенным по всему миру, но тем не менее сохраняющим свое единство. Можно считать, что каждый испаноязычный народ Латинской Америки создал свой литературный язык, но можно также считать, что существует единый испанский национальный литературный язык. Это очень сложный вопрос, каким бы простым он ни казался на первый взгляд, не допускающий и, возможно, не предполагающий однозначного решения. В самом деле, все ли народы, говорящие по-испански, объединяет единая культурная традиция? С другой стороны, когда говорят о национальном испанском литературном языке, какую нацию имеют в виду? Аргентинцы и испанцы – это одна нация или две? Распространяется ли общая культурная традиция на народ, на его историю, или нужно говорить о двух культурных традициях, одна из которых имеет отношение к языку, другая – к истории народа?

Все эти вопросы ставит и рассматривает в своем знаменитом труде выдающийся испанский лингвист Х.Касарес. На наш взгляд, он так и не находит ответов на эти вопросы. Суть в том, что Касарес и не ставит вопроса о единстве культурной и языковой традиции. В частности, он пишет следующее: «А что же остается сказать нам об испанской Америке, где вряд ли есть какая-либо страна, которая не могла бы похвастаться тем, что в ней слишком хорошо изучены локализмы? Что же будет с традиционным словарем Академии, если в него, подобно потоку, сметающему все на своем пути, волеются локализмы? Прежде всего, очевидно, что словарь будет отражать искаженный образ нашей языковой действительности, что нанесет ему серьезный ущерб. Традиционный лексический запас, действительный повсюду, будет затоплен наводнением местных вариантов. Наследственное достояние общенародного литературного языка, которое Академия должна хранить и умножать как бесценное сокровище, так как оно является наиболее прочным оплотом общности культурной и духовной жизни всех испанских народов, было бы расчленено, рассеяно и как бы растворено в смешанной лексике, в которой, как уже говорилось, фигурировало бы 20 разных названий одного предмета и каждое слово означало бы 20 разных предметов» [45, 305].

Для Касареса вопрос о словнике Академического словаря испанского языка решается достаточно просто на том основании, что у него есть принцип. Этот исходный принцип позволяет ему однозначно решать вопрос не только о словнике словаря, но и о культуре, как он говорит, «испанских народов». Чтобы решить вопрос в свою пользу, он использует даже такое непонятное и расплывчатое понятие, как «испанские народы». Что значит «испанские народы»? Использует он это выражение для того, чтобы убедить нас в общности культурной традиции. Он не может сказать «испанский народ», распространяя это понятие и на Латинскую Америку. Он не хочет сказать «испаноязычные народы», так как в этом случае он признает, что речь идет о разных народах, отличающихся от испанцев собственной и оригинальной культурой. Насколько правомерно говорить о единой культуре Испании и Кубы? Достаточно сомнительно.

Дело в том, что вся оригинальность кубинской культуры как раз и состоит в ее удалении от традиционной испанской культуры и смешении ее с американской, понимая под последней своеобразный синтез индейской и негритянской культур.

Х.Касарес понимает, что Академический словарь испанского литературного языка должен отражать общее культурное достояние, следовательно, должен отражать традицию. Поэтому он решительно отменяет локализмы, допуская при этом, на наш взгляд, очень серьезную ошибку. Проект создаваемого им словаря относится к языку классического периода, который, действительно, являлся общим для всех испаноязычных народов. Разумеется, никто в мире не привык говорить и не говорит о кубинском языке или кубинском испанском, или аргентинском языке или аргентинском испанском. Но важно понять, что так называемые локализмы представляют собой реальность, они отражают состояние системы, если в данном случае правомерно говорить о единой системе испанского языка. Объявляя правильным только то, что зиждется на многовековой традиции, а все остальное неправильным и не заслуживающим лексикографической фиксации, Х.Касарес игнорирует реальные процессы, происходящие в испанском литературном языке.

Совершенно очевидно, что объявление одних языковых средств правильными, других – неправильными, носит произвольный характер, хотя и опирается на культурную традицию. Именно поэтому и использует Касарес такое выражение, как *общелитературный язык*. Ясно, что ученый пытается убедить своего адресата в реальности такого общелитературного языка, функционально существенного для всех народов, говорящих на испанском языке. Следовательно, ситуация с испанским языком в современном мире является уникальной в плане актуализации орфологической проблематики. Невозможно просто так отметить несоответствия классическим нормам. Они не соответствуют культурной традиции, но в новых странах создается новая культурная традиция. Как быть с ней? Немаловажен был бы и ответ на вопрос о сходствах и различиях между собственно диалектами испанского языка, функционирующими на территории современной Испании, и вариантами испанского языка в странах Латинской Америки. Что представляют собой испанские языки Америки, и что представляет собой собственно система испанского языка? Чем обеспечивается единство и тождество этой системы с точки зрения обязательных норм? В качестве ответа на все эти вопросы орфологический словарь оказывается чуть ли не идеальным справочником. Только подготовительная работа по созданию орфологического словаря способна ответить на такой вопрос: распространяется ли варваризация на те языковые средства, которые квалифицируются Касаресом как локализмы. Несомненно, с точки зрения классической традиции испанского языка, локализмы следует воспринимать как варваризмы.

Орфологический словарь при таком восприятии истории языка и истории культурной традиции оказывается незаменимым средством и уникальным источником по изучению истории языка вообще, а не только его нормативной системы. Такое понимание орфологии объективно распространяется на все языки, но существуют языки, в силу исторических обстоятельств в максимальной степени актуализирующие орфологическую проблематику. Ярчайшим образцом такого языка, конечно, является испанский язык. Однако это вовсе не означает, что испанский исключение. Например, столь же уникальна судьба арабского языка. Тот факт, что арабы из разных арабских стран с большим трудом понимают друг друга, заставляет настораживаться. В мире распространено мнение, что современные арабы понимают друг друга только тогда, когда они говорят на языке Корана. Поскольку язык представляет собой важнейший фактор этнокультурной идентификации, нередко приходится слышать голоса, утверждающие, что в современную эпоху мы имеем дело не с арабами, как с единым народом, а с саудовцами, египтянами, иракцами и т.д. В этом случае нормы арабского языка и сегодня должны быть связаны с языком Корана. Или всё же следует связывать нормы арабского языка с новыми культурными традициями арабских стран?

Для ситуации орфологического словаря оказывается актуальным не формальное фиксирование того, что употребительно, но не соответствует норме, а прослеживание связи системы норм, с одной стороны, с культурной традицией, с другой стороны, с диалектами и просторечием. Следует также отметить, что, говоря о противопоставлении диалектов и просторечия литературному языку, понятие «просторечие» берется в довольно широком значении.

Обычная классификация условно делит общенациональный язык на три части. Прежде всего выделяются диалекты, имеющие отношение к различным территориям исторического функционирования языка. Четко определяются границы городского просторечия, представления о котором обычно ассоциируются с раскрепощенной речью городских жителей. Наконец, национальный язык включает в себя обработанную и культурную форму, по происхождению связанную с живым разговорным языком.

Такая классификация носит условный характер, поскольку размыты как критерии, так и границы указанных трех составляющих национального языка. Во-первых, то, что принято называть *территориальными диалектами*, также представляет собой историко-культурное явление, характеризующееся собственной культурной традицией. Кроме того, диалект – это так же, как и национальный язык, законченная система, внутри которой существует система норм. Это нормативность на уровне диалекта. Вопреки обывательским представлениям, абсолютизирующим национальный литературный язык, диалект вовсе не является чем-то ущербным.

Во-вторых, то, что принято называть *городским просторечием* (если, конечно, не включать сюда откровенно грубую лексику и фразеологию) также представляет собой достаточно сложное явление, отличающиеся от книжного литературного языка именно простотой. Следует, на наш взгляд, исходить из актуализации внутренней формы термина. *Просторечие – это именно простая речь*, противопоставляемая *красноречию*, т.е. *красной речи*, т.е. речи, соблюдающей все каноны образцового языка.

Понятно, что соотношение литературного языка и просторечия в рамках национального языка имеет прямое отношение к проблематике орфологической лексикографии. Достаточно сказать, что одни исследователи считают определенную часть просторечия неотъемлемой частью литературного языка, другие считают, что просторечие целиком находится за пределами литературного языка.

Академик В.В.Виноградов противопоставляет нормированному языку также профессиональные языки, которые он отличает от диалектов и просторечия. Он отмечает, что отклонения от норм литературного языка в речи демократических масс города не было связано с влиянием иноязычного элемента, как это иногда предполагали. «Неправильности» низового городского языка отмечались нередко соответствующими «орфографическими» словарями и приписывались влиянию «обруселых инородцев». Но в этом огульном объяснении сказывался социальный антагонизм, прикрытый националистической идеологией; некоторые из отмечаемых «неправильностей» являются общими для всех разновидностей языка демократических масс города» [17, 478].

В.В.Виноградов, например, отмечает, что неправильности отмечались орфографическими словарями. Однако, если в задачи орфографического словаря, как нормативного, и не входило описание неправильностей, то в это же время существовали уже специальные словари неправильностей. Характерно, что эти словари отмечали одни и те же ошибки на протяжении долгого времени. «Любопытно, что словари неправильностей с половины XIX в. до конца столетия приводят почти один и тот же список слов: докѹмент вместо докумѣнт; инструмѣнт вместо инструмѣнт; мага́зин вместо магазѣн» [17, 478]. Говоря о словарях неправильностей, В.В.Виноградов отмечает такие словари, как: Зеленецкий К. О русском языке в Новороссийском крае. Одесса, 1855; Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909.

В этой работе В.В.Виноградов подробно рассматривает элементы просторечия по разным уровням языка. Говоря о фонетических особенностях, он указывает, что «они состояли не только в свободном проявлении диалектального произношения и в своеобразной интонации; больше всего бросались в глаза акцентологические отличия в выговоре слов, общих с литературным языком» [17, 478]. Что касается диалектного влияния, то оно однозначно может быть интерпретировано как внутрисистемное взаимодействие. Но более важно другое замечание В.В.Виноградова: «С этим низовым городским языком шла глухая борьба во имя литературности со стороны разных слоев общества в течение всей второй половины XIX в. и первого десятилетия XX в. История самого этого языка городских масс во многом остается неясной. Трудно учесть, что вносила в него каждая из тех социальных групп, среди которых он жил. Кроме того, предложенная выше характеристика некоторых грамматических особенностей городского низового просторечия сделана исключительно с точки зрения наиболее бросающихся отклонений от норм литературного языка. Если же изучать язык демократических масс города в его внутренней структуре, то представится богатая и своеобразная система «общего» низового языка с его расслоениями – общественно-групповыми и профессиональными. Эти языковые пласты, бывшие внелитературными, выступили на арену литературной жизни после революции и приобрели большое значение в организации литературного языка революционной эпохи» [17, 482].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.